

Лара Читай



Неверный

Вылет из гнезда

Лара Читай

Неверный. Вылет из гнезда

«Литнет»

2026

Читай Л.

Неверный. Вылет из гнезда / Л. Читай — «Литнет», 2026

Ты уверена, что он бросит жену, бизнес, детей ради тебя? Думаешь, ты особенная? Все любовницы думают, что они особенные. А потом просыпаются в пустой постели и понимают, что они просто пустое место.***Да. Было все. Все, что ты думаешь. И даже больше. Я изменил тебе. Я предал. Я подонок. Довольна? Теперь ты можешь меня ненавидеть. Это будет справедливо.***Дверь закрылась. Он остался один. В пустой квартире. Среди коробок, которые они так и не распаковали до конца. Среди ее вещей, которые она не забрала. Среди запаха ее духов, который еще витал в воздухе. Он сел на пол в прихожей, прислонился спиной к стене. И заплакал. Как ребенок. Как старик. Как человек, который потерял все. Дважды. Сначала семью. Потом любовь. В романе есть: #измена #взрослые герои #боль

© Читай Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Антонина. Вечерний чай	5
Глава 2. Обратный отсчет до Шанхая	10
Глава 3. Коктейль на краю мира	15
Глава 4. Антонина. Трещина	20
Глава 5. Ветер с реки Хуанпу	23
Глава 6. Номер с видом на прошлое	26
Глава 7. Антонина. Безмолвный свидетель	29
Глава 8. Антонина. Игра без правил	32
Глава 9. Разговор на взлетной	36
Глава 10. Второй круг	39
Глава 11. Антонина. Ночь без свидетелей	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1. Антонина. Вечерний чай

Я смотрю на часы на кухонной стене — без пяти девять. Антон должен быть уже где-то над Уралом, если, конечно, его рейс вылетел вовремя. Хотя, какая разница? Над Уралом или над Сибирью — в любом случае он не здесь.

Ставлю два чайника: маленький эмалированный для заварки, большой электрический для кипятка. Руки сами совершают эти движения — поднять крышку, сполоснуть чайник, насыпать ложкой листового чая «Принцесса Нури». Тридцать лет одинаковых вечеров. Тридцать лет этого самого чая. Антон однажды привез его из Китая, и теперь пьем только его. «Привычка — вторая натура», — говорит он. Говорил.

Пара подстаканников — серебряных, с узорами, подарок от клиентов на двадцатипятилетие фирмы. Его и мой. Мой стоит пустой. Его я все равно ставлю. Ритуал. Словно если поставить подстаканник, то и он сам вот-вот появится в дверях, снимет туфли, пройдет в гостиную, включит телевизор на новостном канале и скажет: «Ну что, заварила?»

Звук закипающего чайника разрывает тишину. Тишина в этой квартире стала другой за последний год. Не мирной, не уютной. А плотной, вязкой, как густой сироп. В ней тонешь. Или задыхаешься. Я до сих пор не определила.

Наливаю кипяток в заварочный чайник, накрываю его полотняной куклой-грелкой, которую Саша сдавал в школе на уроке труда. Кукла уже посерела от времени, выцвел яркий ситец ее платья. Но выбросить рука не поднимается. В ней как будто зашита частица того времени, когда день состоял из школы, уроков, родительских собраний и спокойной уверенности, что твоя жизнь прочно стоит на рельсах, которые ведут в правильном направлении.

Телефон лежит на столе, темный экран — равнодушное око. Он написал одно сообщение: «Вылетел. Всё ок. Не скучай». Я посмотрела на эти слова, пытаюсь уловить между ними тепло, интонацию, что-то живое. «Вылетел» — факт. «Всё ок» — отчет. «Не скучай» — штамп, автоматическая приписка, как «с уважением» в деловом письме.

Я не ответила. Потом все-таки отправила смайлик с самолетом. Такой же плоский и безликий, как его сообщение. Наша переписка последних месяцев — это сухие ветки, которые уже не могут дать ни листа, ни цветка. «Во сколько вернешься?» — «Не знаю, совещание может затянуться». «Купить тебе что-то к ужину?» — «Не надо, поем в городе». «У Саши сегодня день рождения, не забудь позвонить». — «Позвоню». Иногда забывает. Я потом напоминаю: «Ты не позвонил сыну». Он извиняется: «Вылетело из головы, завал».

Звоню Саше сама. Он поднимает трубку после второго гудка, и сразу слышу за его спиной голоса, смех, писк маленькой Алиски.

— Мам, привет! — его голос теплый, живой, и мне на секунду становится легче.

— С днем рождения, сынок. Как отметили?

— Да нормально, шашлыки на даче у Таниных родителей. Только дождь начался, пришлось под навес все тащить. А папа?

— Папа улетел в Китай. Деловые переговоры. Он тебе вечером напишет, наверное. Передал поздравления.

Небольшая пауза. Я знаю, что Саша эту паузу слышит — паузу между «он тебе вечером напишет» и «передал поздравления». Паузу, в которой рождается маленькая, удобная ложь.

— Ничего, — говорит Саша слишком бодро. — Пусть дело делает. А ты как, одна?

— Я-то привычная. Чай пью.

— Мам, ты бы съездила куда-нибудь. К Саньке, она тебя зовет.

Сашка, наша дочь, зовет. Каждую неделю. «Мама, приезжай, побудь с внучкой, я отдохну немного». Но ехать к дочери, чтобы «отдохнуть» — это оксюморон какой-то. Там другой быт, другой ритм, и я чувствую себя не матерью и бабушкой, а гостьей, которую нужно развлекать

и за которой нужно убирать. Здесь, в своей пустой квартире, я по крайней мере на своей территории. Со своим чаем и своей тишиной.

— Подумаю, — говорю я. — Целуйте Алиску. И Тане передавай привет.

Вешаю трубку, и тишина наваливается снова, еще гуще. Разливаю чай. Пар поднимается от янтарной жидкости, пахнет сушеными персиками и чем-то древесным. Я подношу чашку к лицу, грею ладони. В отражении в темном окне вижу свое лицо. Сорок восемь лет. Не старая, нет. Но и не молодая. Какое-то... промежуточное. Лицо женщины, которая хорошо спит, правильно питается, регулярно посещает косметолога, но которую время все равно медленно, но верно сдает в архив. Аккуратная стрижка, дорогая сыворотка против морщин, ухоженные руки. И пустота внутри, которая с каждым годом становится все глубже и просторнее.

Раньше, когда дети были маленькими, эта пустота заполнялась их смехом, криками, уроками, болезнями, походами по магазинам. Потом — делами фирмы. «Северный Ветер» был нашим третьим ребенком, общим, любимым, капризным. Мы строили его с нуля: я бросила работу в турагентстве, он ушел из института, где преподавал географию. Мы сидели ночами над бизнес-планом, на первой ресепшн стояла я, а он возил группы как гид-переводчик. Потом появился первый офис, первые сотрудники, первые серьезные контракты. Мы росли. И где-то в этом росте потеряли друг друга. Не сразу. По кусочкам. По крупичкам.

Я стала главным менеджером, он — генеральным директором. Мы перестали обсуждать маршруты, держась за руки. Мы стали обсуждать их на планерках, глядя в экраны ноутбуков. Я перестала видеть в нем Тоню, который боялся не набрать группу на первую свою экскурсию в Прагу. Он перестал видеть во мне Тонию, которая шила ему пиджак к первой важной встрече с инвесторами, потому что денег на новый не было.

Теперь мы Антон Сергеевич и Антонина Петровна. Даже дома.

Делаю первый глоток чая. Горячо. Я жду, пока он немного остынет, и смотрю на пустой стул напротив. Иногда мне кажется, что я вижу его призрак. Он сидит, листает газету или смотрит в телефон, изредка комментируя что-то по телевизору. Молчащий, отстраненный, закрытый.

А когда-то мы могли говорить часами. О книгах, о фильмах, о том, куда поедem, когда разбогатеem. Он читал мне стихи — да, представьте себе, мой мачо, мой красавец, мой спортивный и немного грубоватый Антон читал Бродского и Вознесенского. Шептал на ухо строчки, когда мы лежали в постели, и я смеялась, потому что щекотно, и от того, что счастлива.

Куда делся тот человек? Неужели его съела эта фирма, этот «Северный Ветер», который должен был нести нас к мечте, а принес к большому дому, дорогой машине и полному молчанию за ужином?

Телефон вибрирует на столе. Я вздрагиваю, роняя ложку. Она со звоном падает на пол. Сердце бешено колотится — абсурдная, детская надежда, что это он. Что он вдруг напишет что-то настоящее. «Тоня, я скучаю». Или просто «спасибо». За что? За тридцать лет. За чай. За то, что я все еще здесь.

Но на экране — сообщение из рабочего чата. Менеджер Лиза отправляет отчет по продажам за день. Цифры, проценты, графики. Я откладываю телефон. Поднимаю ложку.

И вдруг меня накрывает волна такого острого, такого физического одиночества, что я хватаюсь за край стола. Мне не хватает воздуха. Комната плывет. Я закрываю глаза и жду, когда это пройдет. Когда снова вернется привычное, тупое, фоновое чувство пустоты. Оно безопаснее. С ним можно жить. С этой острой болью — нет.

Открываю глаза. Чай остыл. Я допиваю его одним глотком, хотя он уже горчит. Промываю чашки, вытираю стол. Мою ложку. Каждое движение методичное, выверенное. Порядок в вещах — последняя иллюзия порядка в жизни.

Прохожу в спальню. На тумбочке с его стороны — книга о бизнес-стратегиях, очки, часы. С моей — крем для рук и фотография в рамке. Мы с ним на Красной площади, детям лет десять, мы обнимаемся, все смеются. Солнце светит прямо в объектив, и лиц у нас почти не видно, только ореолы света и счастья. Я ставлю эту фотографию каждый вечер лицевой стороной к стене. Не знаю зачем. Может, чтобы не видеть. Может, чтобы не сравнивать.

Раздеваюсь, включаю воду в ванной. Стою под почти холодными струями, пока кожа не покроется мурашками. Тело еще хорошее, подтянутое. Я занимаюсь пилатесом, слежу за собой. Для кого? Для себя, говорю я на тренировках. Для себя, повторяю перед сном. Но это ложь. Я следила для него. Всегда. Чтобы, когда он смотрит на меня, в его глазах было то же, что и двадцать лет назад. Но он давно не смотрит. Вернее, смотрит, но как на привычный предмет интерьера. Удобный, качественный, но не вызывающий особых эмоций.

Ложусь в постель. Его половина холодная, гладкая. Я поворачиваюсь на бок, к окну. За окном — огни Москвы, вечный, ни на секунду не затихающий город. Где-то там мои дети. Где-то там летит мой муж. Где-то там живут люди, которые любят и любимы. А я лежу здесь, в центре этой жизни, в самой гуще ее, и чувствую себя так, будто нахожусь в герметичной капсуле, из которой не слышно никаких звуков.

И вот тогда, в темноте, рождается мысль. Тихая, как шелест, и страшная, как приговор.

«А что, если он не просто улетел в Китай по работе? Что, если он улетел от меня?»

Мысль настолько чудовищная и настолько очевидная одновременно, что я задерживаю дыхание. Сердце снова начинает долбить где-то в горле. Я вдавливаю голову в подушку, пытаюсь изгнать ее. Бессмысленно. Она пустила корни. Она здесь.

Я вспоминаю его за последний год. Новый пароль на телефоне. Вечные «совещания». Взгляд, который скользит мимо. Отсутствие в его гардеробе моих любимых на нем вещей — он стал одеваться как-то иначе, моложе. Парфюм другой. Он стал чаще задерживаться в спортзале. И да, он стал... отстраненным в постели. Не холодным, нет. Вежливым. Предсказуемым. Как будто исполняет супружеский долг по графику.

Боже. Да ведь это же классика. Все признаки, как в глупом женском романе, который я случайно прочла в самолете прошлой осенью и над которым смеялась. Смеялась!

Я сажусь на кровати. Темнота плывет перед глазами. Нет. Нет, это паранойя. Усталость. Ему пятьдесят, кризис среднего возраста, у всех мужчин так. Он работает много, устает. У нас все нормально. Нормальный брак. Нормальная жизнь. Мы построили фирму, вырастили детей. У нас общее дело, общая история. Так не разводятся. Так не предают.

Но другая часть меня, холодная и ясная, шепчет: «А почему нет? Разве история или общие дети когда-нибудь останавливали того, кто решил уйти?»

Я включаю свет. Резкий свет бьет по глазам. Я иду на кухню, наливаю стакан воды. Руки дрожат. Пью медленно, глоток за глотком. Смотрю на его подстаканник.

«Нет, — говорю я вслух. Тишина поглощает мой голос. — Я не позволю этим мыслям. Это ерунда. Он вернется из Китая, мы поговорим. Надо поговорить. Надо...»

Надо что? Спросить: «Милый, ты мне не изменяешь?» И если он скажет «нет» — поверить? А если скажет «да»?

Ставлю стакан в раковину. Звон стекла кажется неестественно громким. Возвращаюсь в постель, выключаю свет. Лежу и смотрю в потолок, где пляшут отсветы уличных фонарей.

Рейс SU-208. Москва — Шанхай. Время в пути — почти двенадцать часов. Он сейчас в самолете. Пьет виски, смотрит фильм, спит. Или... разговаривает с кем-то. Со стюардессой. С попутчицей. С красивой, молодой, улыбчивой женщиной, которая слушает его с восхищением, как я слушала тридцать лет назад.

Я встаю, иду в кабинет, включаю компьютер. Гуглю расписание рейса. Нахожу форумы, где обсуждают авиакомпании. Читаю отзывы о самолетах, об обслуживании. «Стюардессы

на дальнемагистральных рейсах Аэрофлота очень профессиональны и приветливы». «В бизнес-классе отличный сервис». Профессиональны и приветливы.

Я закрываю ноутбук. Руки ледяные. Я понимаю, что только что пересекла какую-то черту. Из подозрений, которые можно было загнать в дальний угол сознания, я сделала расследование. Я запустила механизм, который, возможно, уже не остановить.

На часах — половина первого ночи. До его приземления в Шанхае еще семь часов. Семь часов темноты, тишины и нарастающего, безумного страха.

Я возвращаюсь в постель, накрываюсь одеялом с головой, как делала в детстве, когда боялась темноты. Но эта темнота — внутри. И от нее не спрячешься.

Засыпаю я под утро, когда за окном уже начинает сереть. Сон беспокойный, отрывчатый. Мне снится, что я на аэродроме, и его самолет заходит на посадку, но вместо шасси у него огромные птичьи лапы, и он садится прямо на меня, а я не могу сдвинуться с места, и кричу, но звука нет...

Я просыпаюсь от собственного стога. В спальне ярко светит солнце. Девять утра. Обычный будний день.

Антон сейчас в Шанхае. У него переговоры.

А я здесь. И мне нужно встать, умыться, надеть деловой костюм и поехать в офис. Вести «Северный Ветер». Улыбаться сотрудникам. Разговаривать с клиентами. Жить.

Я медленно поднимаюсь, иду в ванную. Смотрю в зеркало на свое бледное лицо с синяками под глазами. И говорю отражению тихо, но четко:

«Соберись, Тоня. Пока не знаешь — ничего нет. Пока не доказано — ничего не было. Держись».

Но в глазах у женщины в зеркале уже поселилась тень. Тень сомнения. И я знаю, что это только начало.

Дорогие читатели!

С огромным волнением предлагаю на ваш суд мою новинку.

Роман основан на реальных событиях, но, естественно, не лишен художественного вымысла автора.

«Неверный. Вылет из гнезда» — это про трагизм синдрома опустевшего гнезда. Дети выросли, разлетелись и один из пары решает, что можно начать новую, более эмоциональную жизнь с новым партнером.

Если роман вас зацепил, то:

- добавьте книгу в библиотеку, чтобы не дать ей затеряться,
- подпишитесь на автора, чтобы точно не пропустить новинки,
- поставьте лайк и напишите комментарий – ваше мнение бесценно.

Именно ваша активность и отзывы помогают истории находить новых читателей.

Также вас ждут и другие мои произведения:

Предательство по Уставу

<https://litnet.com/shrt/EYS9>

Поцелуй чужими губами

<https://litnet.com/shrt/X0ed>

Альфонс и его дамы

<https://litnet.com/shrt/Jy0n>

Неверный. Семья, которой НЕТ

<https://litnet.com/shrt/jjLk>

Бархатная ловушка

<https://litnet.com/shrt/cqZf>

Развод на троих

<https://litnet.com/shrt/zhcS>

Дневник обманутой жены

https://litnet.com/shrt/kp_S

Искренне ваша, Лара Читай!

Глава 2. Обратный отсчет до Шанхая

Где-то над Уралом Антон приподнял шторку иллюминатора. Снаружи была непроглядная чернота, лишь редкие одинокие огоньки городов внизу напоминали рассыпанные булавки. Он откинулся в кресле, потянулся к бокалу. Виски был почти допит. Фильм на экране перед ним — какой-то голливудский боевик — тихо бубнил, но он давно перестал следить за сюжетом.

— Еще один? Или, может, вода?

Он узнал голос, даже не поворачивая головы. Тот самый, мелодичный, с легкой хрипотцой. Кристина. Она стояла у его кресла, держа в руках две маленькие бутылочки — воду и виски.

— Ты читаешь мысли? — улыбнулся он, глядя на нее. В тусклом свете ночных ламп ее лицо казалось еще более скульптурным.

— Это входит в базовый курс подготовки, — парировала она, поставила бутылочки на его столик. — Угадывать желания пассажиров. Правда, большинство желает либо спать, либо чтобы их оставили в покое.

— А я — исключение из правил?

— Вы — загадка, — сказала она, присев на корточки рядом с его креслом, чтобы быть на одном уровне. Этот жест был одновременно профессиональным и на удивление интимным. — Бизнес-класс, деловой рейс. Но вы смотрите не рабочие презентации, а «Миссия невыполнима». И не спите. Значит, либо дела идут так хорошо, что можно расслабиться, либо так плохо, что хоть в окно выпрыгивай.

Антон рассмеялся. Искренне. Последний раз он так смеялся, наверное, месяц назад, и то над глупым видео, которое прислал Саша.

— Дела идут. Как всегда. А вот «Миссия невыполнима» ... Она как раз про то, что любую миссию можно выполнить, если очень захотеть.

— Философ, — протянула Кристина, и в ее глазах вспыхнули те самые золотистые искорки. — А какая у вас миссия в Шанхае? Если не секрет, конечно.

— Переговоры с новым оператором по экскурсиям. Скучно. Цифры, контракты, протоколы. А твоя миссия? Вернее, ваша? — он кивнул в сторону носовой части самолета.

— Доставить вас и еще двести человек из пункта А в пункт Б. В целости, сохранности и с минимумом неудобств. Тоже, знаете ли, не всегда выполнимая задача, — она понизила голос до конспиративного шепота. — Вот, например, вчера один джентльмен настойчиво пытался доказать, что его рюкзак — это ручная кладь, хотя он был размером с небольшой холодильник. Пришлось проявить дипломатический талант.

— И как вышли из положения?

— Пообещала ему бесплатный бокал шампанского. Сработало. Хотя, по правилам, нельзя. Но иногда правила... немножко гнутся.

Она посмотрела на него прямо, и в этом взгляде было что-то вызывающее. Антон почувствовал знакомый, давно забытый трепет — как в юности, когда взгляд понравившейся девушки заставлял кровь приливать к вискам.

— Опасная философия для бортпроводника, — заметил он, наливая себе еще виски. Не предлагал ей. Это было бы уже слишком. — А если проверяющий на борту?

— Тогда я скажу, что джентльмен сам купил его у меня за пятьдесят евро. Контрабанда алкоголем звучит скандальнее, но менее наказуемо, — она легко встала. — Шучу, конечно. У нас все строго. Но иногда... иногда хочется сделать что-то просто потому, что хочется. Не из-за правил. Вы не находите?

— Каждый день нахожу, — сказал Антон серьезно. — И каждый день борюсь с этим желанием. Взрослая жизнь — это сплошной компромисс с самим собой.

— Ух, как глубоко. Прямо ночной психотерапевтический сеанс, — она улыбнулась, но в улыбке не было насмешки. Было понимание. — Мне пора, скоро будем кормить ужином, хотя это громко сказано про пасту в это время суток. Но что поделать? Расписание.

— Расписание, — повторил он. — Враг спонтанности.

— И друг предсказуемости, — парировала она, уже отходя. — Приятного просмотра, мистер...?

— Антон. Просто Антон.

— Кристина. Просто Кристина. До встречи на ужине, просто Антон.

Она скрылась за синей занавеской, отделявшей кухню. Антон выдохнул, которого сам не замечал. Он потрогал свои щеки — они горели. Черт возьми, он краснел как мальчишка. Он отхлебнул виски, снова уставился в экран. Том Круз бежал по крыше небоскреба. Антон выключил звук. Ему больше не нужен был фон. В голове звучал ее голос.

Через полчаса она вернулась с тележкой. Ужин. Действительно, паста с курицей в сливочном соусе, салат, сыр, шоколадный торт. Все в маленьких, аккуратных контейнерах.

— Стандартный ужин или есть особые пожелания? — спросила она, уже профессионально-деловитым тоном.

— Что посоветуете? Вы же эксперт по авиационному меню.

— Паста съедобная, — шепнула она, наклоняясь, чтобы поставить перед ним поднос. От нее пахло чем-то легким, цветочным, с ноткой свежести, как после дождя. — А торт... торт стоит оставить. Он, к сожалению, похож на резину. Но я могу предложить альтернативу.

— Альтернативу резиновому тарту? Интересно.

— У меня есть секретный запас. Для особых пассажиров, — она сделала паузу, играя бровью. — Шоколад. Настоящий, бельгийский. Не авиационный.

— И по каким критериям вы определяете «особых»?

— По умению вести беседу после полуночи. И по... взгляду. Взгляд должен быть живым. Не спящим, не уставшим от мира. У вас как раз такой.

Она отправилась дальше, раздавая ужины. Антон отодвинул контейнер с тортом в сторону. Ждал. Через десять минут она снова появилась, уже без тележки. В руке у нее была маленькая золотистая обертка.

— Обещанный анти-торт, — она протянула ему плитку шоколада. Их пальцы ненадолго соприкоснулись. Ее прикосновение было теплым.

— А это не нарушение всех мыслимых правил? — спросил он, разворачивая обертку.

— Самое страшное, что мне грозит — выговор за несанкционированное распространение кондитерских изделий. Рискну.

Он отломил дольку, протянул ей. — Разделите риск. Иначе нечестно.

Она посмотрела на шоколад, потом на него. Взяла дольку. Ее губы, подкрашенные прозрачным блеском, сомкнулись на темном шоколаде.

— Вкусно? — спросил он.

— Вкусно, — ответила она, и вдруг ее взгляд стал серьезным. — Знаете, Антон, обычно я не... не делаю таких вещей. Не раздаю шоколад и не болтаю с пассажирами о философии.

— А что делаете обычно?

— Работаю. Читаю книгу. Смотрю в окно. Думаю о том, что будет, когда сяду. В общем, скучаю по земле, как это ни парадоксально.

— А сегодня не скучно?

— Сегодня... сегодня почему-то нет. Самолет кажется меньше. Время идет быстрее.

— Значит, миссия «развезть скуку» выполнена, — улыбнулся он. — Хотя и невыполнима.

Она засмеялась тихо, серебристо. Потом вдруг спохватилась, оглянулась. — Мне правда надо. Работа есть работа. Спасибо за компанию.

— Это я должен сказать спасибо. За шоколад. И за беседу.

Она кивнула и ушла. На этот раз надолго. Самолет вошел в зону легкой турбулентности, замигал значок «пристегните ремни». Антон пристегнулся, снова открыл шторку. Начинался рассвет. Чернота за окном медленно разбавлялась индиговыми, затем сиреневыми тонами. Где-то там, впереди, уже начинался новый день. Шанхайский день.

Он доел пасту, которая и правда была съедобной. Допил виски. Выключил экран. И сидел так, глядя на линию горизонта, которая все ярче алела, пока не появился четкий огненный край солнца.

За два часа до посадки она снова появилась, теперь с тележкой завтрака.

— Кофе или чай? — стандартный вопрос.

— Кофе. Черный. Спасибо, Кристина.

Она налила ему кофе из металлической фляги. — Осторожно, горячо.

— Скажите, а у вас в Шанхае длительная стоянка? — спросил он небрежно, как бы между делом.

— Сутки. Завтра обратный рейс. А у вас?

— Три дня. Переговоры.

— Удачи с ними, — сказала она, и опять этот взгляд — прямой, открытый. — Надеюсь, все сложится так, как вы хотите.

— А чего я хочу, по-вашему? — спросил он, приглушив голос.

Она на секунду задумалась, перекладывая йогурты на соседний поднос. — Вы хотите... чтобы что-то изменилось. Что-то важное. Вы летите не просто в Шанхай. Вы летите куда-то дальше. Я видела такой взгляд. Взгляд человека на перепутье.

Он был ошеломлен. Она попала в точку, как будто прочитала его мысли за последний год.

— А ты... ты часто видишь таких людей?

— Чаше, чем кажется, — ответила она просто. — В небе много откровенностей. Люди чувствуют себя... оторванными. От земли, от проблем, от самих себя. Или наоборот — находят себя. Кто знает.

— А ты? Находишь?

Вопрос был слишком личным. Он это понял сразу, как произнес. Но отступать было поздно.

Она улыбнулась, но улыбка была уже другой — чуть грустной, отстраненной. — Я нахожу неплохую зарплату, скидки на отели и свободу. А это немало. Мне пора.

И она пошла дальше, оставив его с дымящимся кофе и кашей мыслей.

Самолет начал снижение. Объявили о посадке. Антон привел в порядок стол, поднял спинку кресла. За окном проплывали серо-зеленые воды залива, потом дока, склады, взлетно-посадочная полоса. Легкий удар шасси, рев реверсов, и они катились по полосе аэропорта Пудун.

Он собрал свои вещи — сумку, пиджак. Пассажиры поднимались, доставали с полок ручную кладь, образовывалась очередь к выходу. Он не торопился. Пропустил вперед пожилую пару, семью с ребенком.

В передней части салона, у открытой двери, стоял командир экипажа, импозантный мужчина лет пятидесяти, и первый пилот. Они благодарили пассажиров за полет, кивая и улыбаясь. Антон машинально кивнул в ответ, его взгляд искал ее.

Она стояла чуть поодаль, у кухни, уже без пилотки, поправляя свою сумку. Их взгляды встретились. Она не улыбнулась. Просто чуть-чуть, почти незаметно, наклонила голову. Он сделал то же самое. Молчаливый диалог на языке жестов, понятный только двоим.

— Спасибо за полет, — сказала она уже вслух, профессионально, когда он поравнялся с ней.

— Спасибо за все, — ответил он, и эти два слова в его устах звучали как целая речь.

Он спустился по трапу, и его обдало влажным, теплым воздухом Шанхая. Впереди были три дня переговоров, отель, скучные ужины с партнерами. Но в кармане его пиджака лежала золотистая обертка от бельгийского шоколада. И в голове звучал один-единственный вопрос: «А что, если...»

Он обернулся, глядя на самолет, который уже готовился к следующему рейсу. В одном из иллюминаторов, ему показалось, мелькнуло светлое пятно. Может, это был просто отсвет солнца. А может, и нет.

Антон достал телефон. Отключил авиарежим. Через секунду пришло сообщение от Антонины: смайлик-самолет. Он посмотрел на него пару секунд, сунул телефон обратно в карман. Не ответил. Еще не время. Сейчас он был здесь, в Шанхае. И здесь, прямо сейчас, он чувствовал себя живым. Впервые за долгие-долгие месяцы.

Он взял такси до отеля. По дороге смотрел на мелькающие небоскребы, на рекламные билборды с иероглифами, на мотоциклистов, лихо лавирующих между машинами. Мир был огромным, ярким и полным возможностей. А он был в нем один. Свободный. Почти.

Вечером, сидя в баре отеля «Пудун Риц-Карлтон» с бокалом виски (уже не авиационного), он снова думал о ней. О Кристине. Где она сейчас? В своем экипажном отеле? Ужинает с коллегами? Спит? Или, может, тоже смотрит на ночной Шанхай из своего окна?

Он взял телефон, открыл поиск в социальной сети. Набрал: «Kristina_stewardess». Ничего. Потом просто «Kristina_aeroflot». Снова ничего. Конечно. Она вряд ли будет такой беспечной.

Он допил виски, решил подняться в номер. У лифта, ожидая кабину, он услышал сзади смех. Группа молодых людей, явно иностранных бизнесменов. И чей-то голос. Тот самый.

— ...поэтому я говорю, что лучше летать через Дубай, там хотя бы...

Антон медленно обернулся. В пяти метрах от него, спиной к нему, стояла Кристина. Она была в джинсах и простой белой футболке, волосы распущены по плечам, светлые, как спелая пшеница. Она что-то оживленно рассказывала двум другим стюардессам.

Лифт приехал. Двери открылись. Антон замер. Войти? Или... Он сделал шаг вперед, но не в лифт, а в сторону.

— Кристина.

Она обернулась. Увидела его. Ее глаза широко раскрылись от удивления, затем в них вспыхнуло то самое золото.

— Антон? Боже, какие совпадения.

— Не совпадения, — сказал он, подходя ближе. — Это Шанхай. Город на двадцать пять миллионов человек. Это уже статистически невероятно.

— Или судьба, — улыбнулась одна из ее подруг, китайская стюардесса, оценивающе глядя на Антона.

— Или судьба, — тихо повторила Кристина, не отрывая от него глаз. — Что вы здесь делаете? Я думала, вы в центре, у вас переговоры.

— Они завтра, — сказал он. — А сегодня... сегодня я просто турист. Одиноким турист в большом городе. Не подскажете, что здесь можно посмотреть вечером? Кроме бара отеля.

Ее подруги переглянулись, хихикнули.

— Знаешь, Крис, мы, пожалуй, пойдем. У нас завтра ранний вылет, — сказала вторая, европейская внешности. — Увидимся в автобусе.

— Да, конечно, — ответила Кристина, не оборачиваясь. — До завтра.

Они ушли, оставив их вдвоем в блестящем, холодном мраморе лобби.

— Прости, — сказал Антон. — Я, наверное, оторвал тебя от друзей.

— Ничего страшного. Мы и так целый день вместе. А вот одинокий турист... это грустно. Шанхай не для одиночества.

— Согласен, — он сделал паузу. — Может, исправим эту ситуацию? Я слышал, на набережной Вайтань есть неплохие места. Вид на Пудун. И коктейли.

Она смотрела на него, и он видел, как в ее глазах идет борьба. Профессиональная осторожность против спонтанности. Правила против желания. Рассудок против того самого «взгляда», который она в нем заметила.

— Я... я должна быть в отеле через час, — сказала она неуверенно. — У нас комендантский час.

— Час — это много, — сказал Антон. И добавил, глядя прямо в ее глаза, тем самым «живым» взглядом: — Хотя бы один коктейль. В честь статистически невероятной встречи.

Она закусила губу. Потом кивнула. Всего один раз. Но этого было достаточно.

— Один. Только один.

— Это и есть моя миссия на сегодня, — улыбнулся он, чувствуя, как что-то внутри него, давно уснувшее, расправляет крылья. — И, кажется, она выполнима.

Глава 3. Коктейль на краю мира

Они взяли такси. Молчали первые минуты. Антон смотрел в окно на мелькающие огни, чувствуя иррациональное волнение, как подросток на первом свидании. Она сидела рядом, прямая, собранная, руки на коленях. Пахла тем же легким цветочно-дождевым ароматом.

— Твой муж знает, что ты пьешь коктейли с незнакомыми мужчинами в Шанхае? — спросил он, не оборачиваясь, все еще глядя на город.

Она вздрогнула, будто он коснулся ее раскаленным железом.

— Откуда ты знаешь, что я замужем?

Антон медленно повернул к ней голову.

— Кольцо. На правой руке. След от обручального на левой. Оно давно снято, но белая полоска осталась. И взгляд. У замужних женщин особый взгляд. Осторожный.

Она инстинктивно сжала правую руку, закрывая тонкую золотую полоску с крошечным бриллиантом.

— Ты очень наблюдательный.

— По необходимости. В моем бизнесе нужно быстро считывать людей. А муж?

— Летчик. Командир корабля. Ты летел его самолетом.

Теперь удивился Антон. Мир сжался до размеров идиотской комедии.

— Серьезно? Тот самый, что у двери стоял?

— Тот самый. Игорь. — Она произнесла имя без особой теплоты. — И да, он не знает. И не узнает.

— И я не собирался рассказывать, — Антон поднял руки в шутливой обороне. — Я просто... констатирую факт. Мы оба не свободны. Это делает нашу ситуацию либо невероятно пикантной, либо невероятно глупой.

— А какая разница? — вдруг с вызовом спросила она. — Пикантная, глупая... Главное, что она реальная. Вот мы здесь. В Шанхае. В такси. А не где-то там, в своих... правильно выстроенных жизнях.

Такси свернуло на набережную, и перед ними открылась панорама, от которой перехватывало дыхание даже у бывшего путешественника. Небоскребы Пудуна, похожие на кристаллы гигантского размера, сияли миллиардами огней, отражаясь в темных водах реки Хуанпу. Это был вид из футуристического блокбастера.

Они вышли. Влажный, теплый ветер с реки обнял их. Здесь было полно туристов, парочек, местных, но шум как-то растворялся в этом грандиозном пространстве.

— Боже, — выдохнула Кристина, остановившись. — Я сто раз здесь была. И никогда... никогда не устаю смотреть.

— Потому что это и есть свобода, — тихо сказал Антон, глядя не на огни, а на ее освещенное неоновым лицо. — Высота. Полёт. Красота без границ.

Она посмотрела на него, и в ее глазах что-то дрогнуло.

— Давай выпьем тот коктейль. Пока я не передумала.

Он нашел бар на открытой террасе одного из старых зданий на Бунде. Стулья-качалки, низкие столики, пряный запах имбиря и морепродуктов. Они сели у самого парапета. Заказали что-то с джином и личи. Музыка — лаунж, едва слышная.

Первые глотки были неловкими. Они пили, избегая взглядов. Потом Антон спросил:

— Как долго?

— В браке? Десять лет. В небе — двенадцать.

— И как сочетается? Брак с человеком неба и собственная жизнь в небе?

— Плохо сочетается, — она крутила в пальцах трубочку. — Мы как два параллельных рейса. Иногда пересекаемся в хабовом аэропорту под названием «квартира». Обмениваемся парой фраз о погоде и графике. И снова — на взлет.

— Детей нет?

— Не успели. Сначала карьера, потом... потом оказалось, что нечего сказать друг другу за завтраком. Так зачем усложнять? — в ее голосе прозвучала горечь. — А у тебя?

— Двое. Близнецы. Уже взрослые. Внуки. — Он сказал это с странной смесью гордости и смущения, как будто признавался в чем-то постыдном — в своей укорененности, в своем возрасте.

— И жена, которая ждет дома с чаем, — не спросила, а констатировала Кристина.

— Да. Ждет. — Антон отхлебнул коктейль. Он был слишком сладким. — И знаешь, самое ужасное? Что я почти жалею об этом. О том, что она ждет. Потому что это обязывает. А мне сейчас... Мне так хочется не быть обязанным.

Он сказал это вслух впервые. И от этих слов стало и страшно, и невероятно легко.

— Знакомое чувство, — прошептала она. — Обязан быть идеальным мужем. Идеальной стюардессой. Идеальной дочерью. Иногда кажется, что, если я еще раз улыбнусь «от всей души» по инструкции, у меня скулы треснут.

Она сделала гримасу, изобразив эту улыбку — широкую, неестественную. И вдруг рассмеялась. Настоящим, звонким смехом, который шел из глубины. Антон присоединился. Они смеялись, как сумасшедшие, над абсурдностью всего: этой встречи, своих жизней, этой панорамы фальшивого рая за парапетом.

— Боже, мы похожи на пару несчастных подростков, которые сбежали с урока, — вытерла слезу Кристина.

— Я и чувствую себя подростком. В пятьдесят, представляешь? Глупо, да?

— Это не глупо. Это редко, — ее лицо стало серьезным. — Большинство к пятидесяти как раз перестает чувствовать. А ты... ты еще можешь. Хотеть. Смеяться. Сказать «чёрт с ним со всем» и пригласить на коктейль незнакомку.

— Ты не незнакомка. Ты Кристина. Та, что раздает запрещенный шоколад и видит людей насквозь.

Она покраснела. Буквально. Румянец выступил на скулах, и это было так по-девичьи, так не вязалось с ее уверенной внешностью стюардессы, что у Антона сердце упало куда-то в пятки.

— Перестань, — она отхлебнула из своего бокала. — Ты рискуешь раздуть мне эго.

— А тебе это нравится?

— Опасно нравится.

Они замолчали. Тишина между ними стала густой, тягучей, как их коктейль. Звуки музыки, смеха, города — все отступило. Остались только они двое и это невероятное напряжение, витающее в воздухе.

— Твой час почти истек, — сказал Антон, глядя на часы. С момента их встречи в лобби прошло сорок минут.

— Я знаю, — она не пошевелилась.

— Тебе пора.

— Да.

Они не двигались. Смотрели друг на друга. И в этом взгляде было все: признание, страх, желание и вопрос. Один-единственный вопрос: «Что, если...»

— Я не хочу уходить, — вдруг вырвалось у Кристины, тихо, но четко.

— Тогда не уходи.

Он произнес это не как приглашение, а как констатацию факта. Как будто сказал: «Тогда останься» — и этим решил исход битвы, которая шла в ней.

Она закрыла глаза на секунду, будто собираясь с силами. Потом открыла.

— Где твой отель?

— В пяти минутах отсюда.

— У меня есть... два часа. Потом автобус в экипажный отель. Два часа.

Он встал, откинув стул. Бросил на столик несколько купюр, даже не сосчитав. Взял ее за руку. Ее ладонь была горячей и немного дрожала.

Они шли по набережной, не разговаривая, их пальцы сплелись сами собой. Шаг ускорился. Огни города теперь были просто размытым пятном в периферийном зрении. Весь мир сузился до пути от набережной до стеклянных дверей «Риц-Карлтона».

В лифте он нажал кнопку своего этажа. Они стояли в противоположных углах кабины, не глядя друг на друга, слушая, как шуршат механизмы, тянущие их вверх. Воздух в лифте был электрическим. Антон чувствовал каждую клеточкой своего тела ее присутствие в трех шагах от него.

Дверь в номер открылась с тихим щелчком. Он впустил ее вперед. Номер был просторным, с панорамным окном во всю стену. Шанхай лежал у их ног, как сверкающая игрушка.

Она остановилась посреди комнаты, обняв себя за плечи, вдруг неуверенная.

— Кристина, — сказал он мягко, не подходя ближе. — Мы можем просто выпить еще чаю. Или выйти на балкон. Ты вольна в любой момент развернуться и уйти.

Она обернулась. Ее лицо было бледным, решительным.

— Я не хочу чаю.

Он сделал шаг. Потом еще один. Теперь их разделяли сантиметры. Он видел мельчайшие детали ее лица: легкие веснушки у переносицы, чуть трепещущие ресницы, едва заметную морщинку у губ — следствие тысяч профессиональных улыбок. Он почувствовал ее дыхание. Оно было неровным.

Он медленно, давая ей время отпрянуть, поднял руку и коснулся ее щеки. Кожа была как шелк. Она зажмурилась, прижалась к его ладони.

— Это безумие, — прошептала она.

— Да, — согласился он. — Полное.

И тогда она сама закрыла последнее расстояние между ними. Ее губы нашли его губы. Первый поцелуй был не нежным, а жадным, отчаянным, полным того голода, который они оба долгие годы подавляли в себе. В нем была соль её страха и горечь его сожалений. В нем был ветер с шанхайской набережной и пыль чужих городов. Это был поцелуй-взрыв, поцелуй-освобождение.

Он обнял ее, прижал к себе, чувствуя, как тонкое, гибкое тело вливается в него, ищет опору. Они сползли на пол, на мягкий ковер, не в силах пройти даже три шага до кровати. Одежда мешала, пуговицы не поддавались, молнии заедали. Они смеялись сквозь поцелуи, помогая друг другу, как сообщники, торопясь, будто эти два часа могли в любую секунду обрваться.

И когда наконец не осталось преград, когда ее бледная кожа засверкала в отражении городских огней, он на миг замер, глядя на нее. Она была совершенна. И она была здесь. С ним. Вопреки всему.

— Не думай, — прошептала она, касаясь его губ пальцами. — Пожалуйста, просто не думай сейчас.

Он повиновался. Он перестал думать. Он чувствовал. Тепло ее кожи под ладонями. Гибкость ее стана. Ее запах, теперь смешавшийся с его запахом. Звуки, которые она издавала — тихие, глухие стоны, словно боялась быть услышанной даже здесь, на 35-м этаже.

Он забыл про возраст, про морщины, про седину у висков. Он был просто мужчиной. Желанным. Сильным. Живым. Она возвращала ему это ощущение с каждой лаской, с каждым вздохом. Она смотрела на него снизу вверх, и в ее глазах горел не просто страсть, а благодар-

ность. Благодарность за то, что он видит в ней не стюардессу, не жену пилота, а женщину. Просто женщину.

Время потеряло смысл. Оно текло то медленно, то стремительно. Они торопились и медлили, исследовали и пожирали друг друга. Это был не просто секс. Это был акт мятежа. Против правил, против расписания, против своих собственных, правильно выстроенных жизней.

Когда все закончилось, они лежали на ковре, плечом к плечу, глядя в потолок и тяжело дыша. Гул города доносился сквозь стекла как отдаленный прибор.

— Боже, — выдохнула Кристина первая. — Что мы наделали.

— Мы живем, — сказал Антон. Он повернулся на бок, оперся на локоть, глядя на ее профиль. — Всего два часа. И мы живем больше, чем за последние десять лет.

— Это неправильно.

— Это реально.

Она повернула голову, и в ее глазах стояли слезы. Не слезы раскаяния. Слезы облегчения.

— Я не знаю, кто ты. Но ты... ты будто вытащил меня из клетки. На два часа.

— Клетка заперта снаружи? — спросил он, смахивая слезу с ее щеки большим пальцем.

— Нет. Изнутри. Я сама... Я сама закрыла дверь. И потеряла ключ.

— Может, его и не было никогда? Может, надо просто толкнуть дверь плечом?

Она села, натягивая на себя блузку. Ее движения стали снова быстрыми, деловитыми. Маска возвращалась.

— Легко сказать. А потом? Разбитое плечо и та же самая клетка, только с содранной краской.

Антон сел рядом. Помог ей найти браслет, который отлетел в сторону.

— А что потом? — спросила она, глядя прямо на него. — Я улетаю завтра. Ты остаешься. У тебя жена, дети, фирма. У меня... муж, который, скорее всего, сейчас смотрит футбол в экипажном отеле. Что было сейчас? Просто... инцидент на высоте десять тысяч метров над уровнем морали?

Он взял ее за подбородок, заставил смотреть на себя.

— Я не знаю, что будет потом. И знаешь что? Мне плевать. Сейчас ты здесь. И это — единственная правда.

Она долго смотрела на него, потом кивнула, словно приняв какие-то свои внутренние правила игры.

— Хорошо. Только правда. Только сейчас.

Она посмотрела на часы. Ее лицо исказила гримаса боли.

— Мне правда пора. Автобус...

Она встала, быстро, почти бесшумно, привела себя в порядок. Подошла к зеркалу в прихожей, поправила волосы, провела руками по лицу, словно стирая с него следы страсти. Когда она обернулась, перед ним снова была стюардесса Кристина. Немного помятая, но собранная. Только глаза выдавали ее. Они все еще горели.

— Я..., я не знаю, как это все... — она запнулась.

— Не надо. Никаких слов. — Антон подошел к ней. Не стал обнимать. Просто взял ее руки в свои. — Спасибо. За два часа свободы.

Она кивнула, губы ее задрожали. Она выскользнула из его рук, открыла дверь. На пороге обернулась в последний раз.

— Рейс обратно... SU-209. Послезавтра. В 13:40. Если... если захочешь лететь обратно тем же бортом.

И она ушла. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Антон остался один в огромном, внезапно опустевшем номере. На ковре лежала ее сережка-кольцо, та самая, что качалась, ловя свет в самолете. Он поднял ее. Она была еще теплой.

Он подошел к окну, сжав сережку в кулаке. Где-то там, в ночном городе, мчался автобус, увозящий ее обратно в клетку. А он стоял здесь, наверху мира, и чувствовал, как старые цепи, державшие его годами, треснули. Не распались. Но треснули.

Он достал телефон. Одно новое сообщение. От Антонины: «Как долетел? Как переговоры?» Он отправил смайлик с небоскребом. И выключил телефон.

Он не был готов. Не был готов ни к ее вопросам, ни к своей лжи. Он был готов только к одному — к тому, что эта ночь изменила всё. И что назад пути уже не было.

Глава 4. Антонина. Трещина

Я не могу больше сидеть в этой тишине. Она давит на уши, как вода на глубине. Телефон молчит уже шесть часов. Он молчит, а в моей голове — гул, как от взлетающего самолета.

Я хватаю ключи, кошелек, вылетаю из квартиры, даже не проверив, выключен ли свет. Мне нужно к людям. К шуму. К нормальной жизни, которой, кажется, у меня больше нет.

Сажусь в машину, завожу мотор. Куда? Офис закрыт. К Саше? Нет, не хочу его пугать. К Сашке? Я не вынесу ее взгляда, слишком умного, слишком все видящего. Она всегда была чуткой, эта моя дочь.

В итоге я просто еду. По Садовому, потом по Тверской. Останавливаюсь у «Елисеевского». Захожу внутрь. Яркий свет, запах кофе, дорогих сыров и роскоши, в которой я не нуждаюсь. Люди толпятся у витрин. Они что-то выбирают, обсуждают, смеются. У них сегодня обычный вечер. Ужин. Кино. Семья.

А у меня в голове — мысль, которая сверлит, как дрель: «Он с ней».

Я подхожу к стойке с кофе, заказываю латте. Мои руки дрожат так, что я едва могу достать деньги из кошелька.

— С вами все в порядке? — спрашивает бармен, молодой парень с добрыми глазами.

— Да, просто устала, — говорю я и улыбаюсь. Улыбка получается кривой, натянутой. Я, кажется, разучилась улыбаться по-настоящему. За эти годы тренировок «деловой улыбки» для клиентов я разучилась.

Кофе слишком горячий. Я обжигаю язык, но боль — она почти приятна. Она реальна. Она отвлекает.

Сажусь за столик у окна. Достая телефон. Снова. Ничего. Ни одного сообщения. Я открываю его страничку в «ВКонтакте». Он редко туда заходит. Последний раз был три дня назад. Никаких новых фотографий. Никаких подозрительных «лайков». Все чисто. Слишком чисто.

Может, я с ума схожу? Может, это просто кризис. Мои нервы. Мои сорок восемь лет. Гормоны. Что угодно.

Я звоню ему. Просто так. Набираю номер. Рука мокрая от пота. Сердце колотится где-то в горле.

Гудок. Раз. Два. Три. Я уже почти надеюсь, что он не возьмет. Что это будет моим оправданием: он занят, переговоры, он перезвонит.

— Алло? — его голос. Низкий, спокойный. Сонный? Нет. Сдержанный. Он всегда таким стал — сдержанным.

— Тоня, привет, — говорю я, и мой собственный голос звучит фальшиво, на высокой ноте. — Как ты? Как долетел?

Небольшая пауза. Слишком большая для простого вопроса.

— Нормально. Устал с дороги. В отеле. Собираюсь спать, завтра рано вставать.

— А переговоры? — лезу я, как дура, не зная, что еще сказать. Мне нужно слышать его голос. Ловить интонации. Искать в них трещины.

— Какие переговоры? Они послезавтра. Завтра только предварительная встреча. Все нормально, Тоня. Не переживай.

Он называет меня «Тоня». Старое, почти забытое уменьшительное. Он не называл меня так сто лет. От этого слова у меня сжимается желудок. Почему сейчас? Из чувства вины? Или он просто устал и говорит автоматически?

— А погода там какая? — спрашиваю я, понимая, что вопрос идиотский.

— Тепло. Влажно. Как обычно в Шанхае. Слушай, я очень устал. Давай я тебе завтра позвоню, хорошо?

— Хорошо, — говорю я быстро. — Спи. Целую.

— И я, — говорит он и вешает трубку.

«И я». Не «целую». «И я». Как в деловой переписке. «С уважением, Антон Сергеевич».

Я сижу, сжимая в руке остывший кофе, и смотрю в окно на огни Тверской. Люди идут парами. Держатся за руки. Смеются. Молодые. Не молодые. Неважно. Они вместе.

А мы... мы только что говорили как два чужих человека. Два диспетчера, которые сверяют графики полетов.

Я допиваю кофе до дна, поднимаюсь, выхожу на улицу. Ночь теплая, майская. Я иду пешком, без цели. Просто иду. Мимо ресторанов, из которых доносится музыка и гул голосов. Мимо парочек, целующихся в темных подъездах.

Мне вдруг с невероятной силой хочется позвонить кому-то и выговориться. Но кому? Подругам? У нас с Антоном общие друзья. Я не могу им сказать: «Знаете, мне кажется, мой муж мне изменяет». Это будет предательством. Предательством нашей семьи, нашего фасада. Фасада крепкой, успешной пары.

Я останавливаюсь у витрины ювелирного магазина. Смотрю на бриллиантовые кольца. Они холодно сверкают под лампами. Как наши с ним обручальные. Такие же безупречные. Такие же холодные. Я уже давно не ношу свое. Оно лежит в шкатулке. У него... я не знаю. Он, кажется, тоже снял. Сказал, что мешает на тренировках.

Мешает.

Я вдруг вспоминаю. Вспоминаю мелочь, на которую не обратила внимания. Месяц назад. Мы ужинали в ресторане, отмечали... не помню что. Он пошел в туалет. Его телефон лежал на столе. И вдруг он завибрировал. Пришло сообщение. Я не хотела смотреть. Я никогда не смотрю его телефон. Но экран был повернут ко мне. Я увидела имя: «К.». И текст: «Спасибо за сегодня. Было нереально».

Сердце мое тогда просто екнуло и затихло. Я списала на коллегу. Клиента. Кого угодно. Он вернулся, взглянул на экран, быстро убрал телефон в карман. Ни слова. Я спросила: «Кто это?» Он ответил: «Менеджер из отеля в Сочи. Благодарит за быстрый ответ по брони». И я поверила. Потому что хотела верить.

А сейчас эта «К.» обретает в моей голове лицо. Женское лицо. Молодое.

Я почти бегу к своей машине. Сажусь, захлопываю дверь. Дышу, как после марафона. Нужно проверить. Нужны доказательства. Чтобы убить эту надежду. Или чтобы убить себя.

Я еду домой. Быстро. Нарушая скоростной режим. В голове — план. Его ноутбук. Он дома. У него есть старый ноутбук, который он иногда берет в поездки, но в этот раз взял планшет. Ноутбук стоит в кабинете. Пароль... пароль я знаю. Это дата рождения Сашей. Он ленив в вопросах паролей.

Я влетаю в квартиру, скидываю туфли, иду прямиком в кабинет. Зажигаю свет. Его стол. Все аккуратно. Рядом с ноутбуком — фотография нас с ним на Эльбрусе. Мы молодые, загорелые, в солнечных очках. Обнимаемся. Позади — снежные вершины. Мы тогда только открыли фирму и позволили себе первый серьезный отпуск.

Я открываю ноутбук, ввожу пароль. Рабочий стол. Папки: «Бухгалтерия», «Контракты», «Маркетинг». Ничего личного. Как всегда. Он аккуратен.

Открываю браузер. История... очищена. Конечно. Он не идиот.

Почта. Он выходит из нее всегда. Нужен пароль. Я пробую несколько вариантов: дату рождения детей, наша дата свадьбы, название фирмы. Не подходит.

Я откидываюсь в его кресле. Чувствую запах его одеколона в обивке. Того, старого, который он перестал носить. И вдруг — озарение. Я тянусь к верхнему ящику стола. Он всегда хранил там памятные мелочи. Билеты в кино, какие-то записки.

Я открываю ящик. Бумаги, визитки, пачка долларов на «черный день». И маленький, кожаный блокнот. Старый. Я помню его. Он вел его лет двадцать назад, записывал идеи для бизнеса.

Я открываю. Первые страницы — действительно, цифры, названия городов. А ближе к середине... чистые листы. И на одном... на одном нарисован маленький самолетик. И номер рейса: SU-208. И дата: сегодняшняя. А ниже написано: «Шанхай. 21:00. Бар „Хуанпу“».

Бар. В Шанхае. На сегодня. Его почерк.

У меня перехватывает дыхание. Я вырываю эту страницу, сжимаю в кулаке. Бумага хрустит. Это ничего не доказывает. Просто запись. Просто бар. Он мог пойти туда с партнерами. С кем угодно.

Но я знаю. Я знаю всем своим существом. Это не для партнеров. Это для нее. Для той самой «К.».

Я звоню Сашке. Не выдерживаю.

— Мам? Что случилось? Ты плачешь?

Я и правда плачу. Слезы текут по лицу тихо, без рыданий.

— Саня, я... мне плохо.

— Где ты? Дома? Я еду.

— Нет, не надо. Не надо ехать. Я просто... мне нужно поговорить.

— Говори, мам. Я слушаю.

И я выпаливаю. Срывающимся, хриплым шепотом рассказываю про пустоту, про сообщение с буквой «К.», про бар в Шанхае, про то, что он разговаривает со мной как с чужой.

Саня молчит. Потом говорит очень спокойно, слишком спокойно для моей взвинченной дочери:

— Мам, дыши. Слушай меня. Ты ничего не знаешь наверняка. Это могут быть просто твои домыслы. Папа... папа много работает. Он устал. У всех бывают кризисы.

— А если не домыслы? — спрашиваю я, всхлипывая, как девочка. — Что мне тогда делать?

— Тогда... тогда мы будем разбираться. Вместе. Но не сейчас. Сейчас ты должна успокоиться. Выпей чаю с мятой. Ложись спать. Завтра будет яснее.

— Я не могу спать. Я сойду с ума.

— Мама, послушай меня, — голос Сашки становится тверже, командирским. — Ты сильная. Ты всегда была сильной. Ты строила с ним эту фирму, ты вырастила нас. Ты справишься. С чем угодно. Но сейчас — стоп. Никаких действий. Никаких звонков ему с обвинениями. Поняла?

— Поняла, — бормочу я.

— Я позвоню тебе утром. И мам... я люблю тебя. Все будет хорошо. Как-нибудь.

Она вешает трубку. Я сижу в его кресле, скомканной страницей в руке, и смотрю на нашу фотографию на Эльбрусе. Мы смотрим в объектив и улыбаемся в полную силу. Мы верим, что весь мир у наших ног.

Где эти люди? Куда они делись?

Я подхожу к окну, разжимаю ладонь. Клочок бумаги с рисунком самолета. Я смотрю на него, потом на спящий город за окном. Где-то там, на другом конце земли, мой муж, возможно, сидит в баре «Хуанпу» с другой женщиной. И улыбается. Так же, как на той фотографии.

Я медленно, очень медленно рву бумагу на мелкие кусочки. Подхожу к унитазу, смываю их. Следов нет.

Но трещина — она уже здесь. Внутри. Она прошла через нашу фотографию, через наш прошлый смех, через все тридцать лет. И с каждым часом молчания она становится только шире.

Глава 5. Ветер с реки Хуанпу

На следующее утро он проснулся с тяжелой головой, но с четкой, как стальной прут, мыслью. Он должен увидеть ее снова. Рейс SU-209. Послезавтра. 13:40.

Весь день переговоров прошел в тумане. Он автоматически кивал, говорил правильные слова, обсуждал контракты с китайскими партнерами, но его мысли были там, на 35-м этаже, на ковре, где еще вчера лежали их тела. Он ловил себя на том, что смотрит на часы, высчитывая, где она сейчас. В самолете? На дневном рейсе куда-нибудь? Или, может, спит в своем экипажном отеле, и ей тоже снятся эти два часа?

Вечером он отказался от ужина с партнерами, сославшись на мигрень. Он действительно чувствовал себя неважно — лихорадочное возбуждение сменялось черной тоской. Он зашел в холл своего отеля, сел в кресло с видом на лобби, взял газету, но не читал. Он ждал. Без надежды, просто по глупой, детской прихоти.

И она появилась. Не одна. С двумя другими стюардессами, теми самыми. Они шли быстро, с сумками, явно направляясь на выход. Она смеялась чему-то, что сказала ее подруга, и в этом смехе не было той легкости, что была вчера. Это был смех-маска.

Их взгляды встретились. Она замерла на полшага. Ее улыбка сползла с лица. Подруги, заметив это, тоже остановились, переглянулись.

— Я... я вас догоню, — сказала Кристина, не отрывая глаз от Антона. — Мне нужно... уточнить кое-что по трансферу.

Подруги ушли, бросив на Антона любопытные, оценивающие взгляды.

Они остались одни в блестящем, бездушном пространстве лобби.

— Я не думал, что ты здесь, — сказала она первая. Ее голос был тихим, напряженным.

— Я тоже, — солгал он. — Совпадение.

— Опять? — в уголках ее губ дрогнула тень улыбки. — У нас, кажется, какая-то эпидемия совпадений.

— Или судьба, — повторил он ее вчерашние слова.

Она посмотрела на него, и в ее глазах он увидел ту же борьбу, что была вчера. Страх и желание.

— У меня смена. Ночной рейс в Ханой. Через три часа вылет.

— Значит, у тебя есть три часа, — сказал он, и его собственный голос прозвучал хрипло.

Она закусила губу, оглянулась. Лобби было почти пустым.

— Это безумие.

— Да. Но ты ведь уже знаешь, что я специалист по выполнению невыполнимых миссий.

Она не ответила. Просто медленно, как во сне, кивнула. Этого было достаточно.

Они снова поднялись в его номер. На этот раз не было неловкости, нетерпения. Была молчаливая, обоюдная решимость. Дверь закрылась, и он прижал ее к ней, прикрыв своим телом, как будто пряча от всего мира. Их поцелуй был не жадным, как вчера, а медленным, исследующим, почти нежным. Как будто они уже знали друг друга и теперь изучали заново.

— Я думала о тебе, — прошептала она, отрываясь от его губ, ее дыхание было горячим у его шеи. — Весь день. Это ужасно.

— Я тоже. Это прекрасно.

Он снял с нее пиджак униформы, потом блузку. На этот раз они добрались до кровати. Неспешно. У них было целых три часа. Он целовал каждую новую открывшуюся часть ее кожи: ключицу, изгиб плеча, тонкую линию талии. Она стонала, запрокинув голову, ее пальцы впились в его волосы, потом в спину.

Когда они наконец оказались обнаженными, он остановился, глядя на нее. При свете дня, падающем сквозь жалюзи, она была еще прекраснее. Совершенные линии, гладкая кожа, ни

капли стеснения. Она была создана для этого — для любви, для страсти, для того, чтобы быть желанной.

— Чего ты смотришь? — она прикрыла глаза ладонью, вдруг смутившись.

— На солнце. Опасно смотреть прямо на солнце, — сказал он, отводя ее руку и целуя внутреннюю сторону запястья, где бился частый пульс.

На этот раз все было иначе. Медленнее. Глубже. Более осознанно. Они не торопились, они исследовали друг друга, как неизведанные территории. Он узнал, что она вздрагивает, когда он целует ее под коленкой. Что она издает тихий, похожий на мурлыканье звук, когда он проводит языком по линии ее позвоночника. Что она сильнее, чем кажется, и может легко перевернуть его на спину и сесть сверху, раскинув светлые волосы по плечам, как водопад.

Он потерял счет времени. Существовали только ее прикосновения, ее запах, ее вкус. И этот нарастающий, неудержимый водоворот ощущений, который закручивал их обоих все сильнее и сильнее, пока не выплеснулся наружу долгим, содрогающим рывком, выбив из нее крик — громкий, нестесненный, настоящий. И из него — глухое, животное рычание, которого он сам от себя не слышал, наверное, никогда.

Они лежали, сплетенные, оба покрытые испариной, тяжело дыша. Солнечный луч пробивался сквозь жалюзи и медленно полз по кровати, освещая их ноги.

— Боже мой, — выдохнула она наконец. — Антон...

— Молчи, — приказал он мягко, прижимая ее голову к своему плечу. — Ничего не говори. Просто будь.

Они лежали так, может, полчаса. Молча. Его рука медленно гладила ее спину, чувствуя под пальцами каждый позвонок.

— Я должна идти, — сказала она наконец, но не шевельнулась.

— Я знаю.

Она подняла голову, посмотрела на него. Ее глаза были серьезными.

— Что мы делаем?

— Мы живем, — повторил он свою мантру.

— Это не жизнь. Это... это побег. Красивый, сладкий, головокружительный побег. Но самолет всегда приземляется, Антон. Всегда.

— Значит, будем летать, пока не закончится топливо, — сказал он, и сам испугался этих слов. Он никогда не был романтиком. Никогда не говорил таких вещей.

Она села, спустила ноги с кровати. Ее спина была прямой, красивой линией печали.

— У меня есть муж, которого, возможно, я даже люблю. Просто мы... забыли, как это. У тебя есть жена, которую ты, наверное, тоже любишь. Просто привык. У нас нет будущего. Только эти... перерывы между рейсами.

Он встал, подошел к ней сзади, обнял, прижал к своей груди. Чувствовал, как бьется ее сердце.

— А кто сказал, что будущее должно быть навсегда? — прошептал он ей в волосы. — Может, будущее — это просто следующий рейс. Следующий город. Следующие три часа.

Она обернулась, посмотрела на него с такой тоской, что у него похолодело внутри.

— Я не могу так. Я не такая. Я не могу делить жизнь на кусочки, как торт. Я либо все, либо ничего.

— Тогда давай все, — сказал он, и это было самое искреннее, самое безумное предложение в его жизни. — Бросим все. Уйдем. Начнем с нуля.

Она замерла, глядя на него широко открытыми глазами. Потом медленно покачала головой.

— Ты не сделаешь этого. И я нет. Мы не те люди. Мы... мы правильные. Мы строили свои жизни годами. Мы не можем просто так взять и...

— Почему? — перебил он почти яростно. — Кто нам запретит? Общество? Дети? Жена? Муж? А где МЫ, Кристина? Где наши жизни?

— Они там, — она махнула рукой в сторону окна. — В тех самолетах, что везут людей из пункта А в пункт Б. В тех офисах, где ты подписываешь контракты. В тех квартирах, где нас ждут с ужином. Это и есть наша жизнь. А это... это сон. Красивый, ночной, шанхайский сон. И скоро прозвенит будильник.

Она встала, начала быстро, деловито одеваться. На этот раз не было слез. Была только решимость человека, который понял, что зашел слишком далеко и теперь отступает.

Он смотрел на нее, чувствуя, как почва уходит из-под ног. Она была права. Он не бросит все. Не бросит фирму, которую строил тридцать лет. Не бросит детей, внуков. Не бросит Антонину... Не бросит? Или не сможет бросить?

— Рейс обратно, — сказала она, уже почти одетая, поправляя волосы у зеркала. — SU-209. Ты придешь?

— А ты хочешь, чтобы я пришел? — спросил он.

— Я не знаю. Я не знаю ничего. Я знаю только, что, если ты придешь, я не смогу дышать, пока не увижу тебя. А если не придешь... я буду дышать, но буду как робот. Выбирай.

Она подошла к двери, обернулась в последний раз.

— Сережку... можешь оставить себе. На память. Или выбрось.

И ушла.

Антон остался один. Солнечный луч теперь лежал на смятой простыне, где только что было ее тело. Он сел на край кровати, опустил голову в ладони. В ушах гудело. Она была права. Это был побег. Красивый, сладкий, но побег. А за побег всегда приходится платить.

Он поднял голову, увидел на тумбочке ее сережку. Она лежала там, где он положил ее вчера. Он взял ее, зажал в кулаке. Выбрасывать? Нет. Он не выбросит.

Он подошел к окну, распахнул его. Теплый, влажный ветер с реки Хуанпу ворвался в комнату, зашелестел бумагами на столе. Ветер свободы. Или просто сквозняк?

Он знал, что придет на рейс SU-209. Он знал, что купит билет. Он знал, что снова увидит ее. Потому что три часа настоящей жизни оказались дороже, чем тридцать лет правильного существования.

И этот ветер, этот шанхайский ветер, теперь будет дуть ему в спину. Или в лицо? Он еще не знал.

Глава 6. Номер с видом на прошлое

Шанхай остался за иллюминатором, растворившись в желтоватой дымке. Рейс SU-209 взял курс на Москву. Антон сидел в том же кресле бизнес-класса, но все было иначе. Небо за окном казалось не бескрайним океаном свободы, а просто разреженным воздухом на высоте десять тысяч метров. Он заказал виски, но пил его маленькими глотками, не ощущая ни вкуса, ни жажды.

Он видел ее. Она работала в другом секторе салона, обслуживала пассажиров эконом-класса. Мелькала синяя форма в проходе, светлый пучок волос. Иногда их взгляды встречались — на долю секунды. В ее глазах не было ни вызова, ни тоски. Была профессиональная отстраненность, почти холодность. Как будто тех трех часов в отеле никогда не было. Как будто он был просто одним из двухсот пассажиров.

Это бесило. Бесило и пугало. Он хотел встать, пройти к ней, схватить за руку, спросить: «Что это было? Игра?» Но он сидел. Как пригвожденный. Потому что она была права — они не те люди. Они не могут устраивать сцены в самолете. У них есть репутации, карьеры, жизни, в которых все должно быть предсказуемо и прилично.

Он закрыл глаза, стараясь вызвать в памяти ее образ. Не стюардессу в форме, а ту, другую. Распущенные волосы на белой подушке. Искривленную в улыбке губу. Тень ресниц на щеке. Но образы были тусклыми, выцветшими, как старые фотографии. Их вытесняла реальность — стук тележки с напитками, смех пассажиров, голос командира экипажа, ее мужа, из динамиков: «Добрый день, уважаемые пассажиры...»

Ее муж. Игорь. Антон видел его, когда заходил в самолет. Высокий, подтянутый, с жестким, как у орла, лицом. Человек, который верит в порядок, правила и верность данному слову. Антон почувствовал к нему странную смесь ненависти и зависти. Ненависти — потому что тот обладал тем, что он, Антон, хотел отнять. Зависти — потому что тот, возможно, все еще верил в святость того, что имел.

Обед прошел в мучительном ожидании. Она не подходила. Не предлагала шоколад. Ничего. Когда она, наконец, появилась с тележкой для сбора мусора, ее лицо было маской вежливости.

— Все хорошо? Могу я что-то принести? — стандартная фраза, обращенная в пустоту.

— Кристина, — тихо сказал он.

Она вздрогнула, но не подняла на него глаз. Просто ждала.

— Мы должны поговорить.

— Здесь не место для разговоров, — отрезала она, собирая стаканчики с его столика.
— Правила безопасности.

— Когда тогда? — настаивал он, чувствуя, как злость поднимается к горлу.

— Никогда. Простите.

И она покатила тележку дальше. Его отбросило в кресло, как от удара. «Никогда. Простите.» Два слова, которые перечеркнули все. Он почувствовал себя идиотом. Стареющим мачо, который принял мимолетную связь за великую любовь. Она просто развлекалась. Скучная стюардесса, уставшая от мужа-летчика, развлекалась с пассажиром. А он... он купился. Как мальчишка.

Оставшиеся часы полета были пыткой. Он смотрел на затылок сидящего впереди пассажира, на мигающую карту маршрута на экране, на все, кроме прохода, где могла появиться она. Когда самолет начал снижаться в московском небе, он почувствовал не облегчение, а опустошение. Как будто не домой возвращался, а в тюрьму.

В Шереметьево было холодно и дождливо. Он взял свою сумку и пошел к выходу, стараясь не смотреть в сторону экипажа. Но не удержался. У трапа стоял Игорь, ее муж. Он пожимал

руку благодарным пассажирам. Его лицо было спокойным, уверенным. Он не знал. Он жил в своем правильном мире и не подозревал, что его мир уже дал трещину.

Антон прошел мимо, опустив голову. Он не видел Кристину. Она, наверное, уже ушла, чтобы сменить форму и поехать в свою пустую, правильную квартиру.

Такси до дома. Москва мелькала за мокрым стеклом, серая, знакомая, чужая. Он смотрел на проспекты, по которым ездил тысячу раз, и не видел их. Он видел панораму Шанхая с высоты 35 этажа. И ее спину, уходящую в дверь.

Ключ повернулся в замке. Тишина. Темнота. Запах домашней пыли, ламината и вчерашнего супа. Он бросил сумку в прихожей, снял обувь. Прошел на кухню. На столе стоял его подстаканник. И рядом — сложенная салфетка. Антонина уже спала. Она оставила ему свет на кухне и чайник с горячей водой. Заботливо. Предсказуемо. Как всегда.

Он сел за стол, опустил голову на сложенные руки. Усталость накрыла его, тяжелая, как свинцовый плащ. Но заснуть он не мог. За закрытыми веками плясали картинки: ее глаза, ее улыбка, ее холодный взгляд в самолете. И голос: «Никогда. Простите.»

Он поднялся, пошел в спальню. Антонина спала на своем боку, лицом к стене. Ее дыхание было ровным, спокойным. Он медленно разделся, лег рядом, стараясь не шелохнуться. Пространство между ними в кровати казалось пропастью.

Он лежал и смотрел в потолок. Мысли, от которых он бежал в Шанхай, навалились с удвоенной силой. Пятьдесят лет. Полжизни. Что он построил? Фирму, которая работает сама по себе. Дом, в котором он чувствует себя гостем. Семью, которая уже не нуждается в нем так, как раньше. И любовницу, которая выбросила его, как использованный носовой платок.

Он был королем без королевства. Мачо без силы. Мужчиной, который сделал все по правилам и в итоге остался ни с чем.

Справа от него тихо пошевелилась Антонина. Она перевернулась, не просыпаясь, и ее рука легла ему на грудь. Теплая, тяжелая, знакомая. Он замер. Ждал, когда она ее уберет. Но она так и осталась лежать. И через какое-то время он почувствовал, как по его щеке скатывается слеза. Не от горя. От бессилия. От понимания, что все, что у него есть по-настоящему, — вот эта спящая женщина, которая даже не подозревает, что он предал ее. И эта мысль была невыносима.

Он осторожно снял ее руку, встал и вышел из спальни. Прошел в кабинет, сел за свой стол. Включил компьютер. Монитор осветил комнату холодным синим светом. Он открыл браузер. Его пальцы сами набрали в поиске: «SU-209 расписание». Потом: «Аэрофлот стюардесса Кристина». Глупо. Бесполезно.

Он потянулся к верхнему ящику стола, где лежал старый блокнот. Открыл его. Только на самой последней странице, в самом углу, он увидел едва заметную надпись, сделанную, кажется, давно. Свой почерк. Он придвинул блокнот к свету.

«Тоня, Эльбрус, 2003. Ты сказала, что счастье — это когда не страшно».

Он откинулся в кресле, чувствуя, как комок подкатывает к горлу. 2003 год. Они на Эльбрусе. Не в шикарном отеле, а в палатке. Холодно, страшно, но они вместе. И она, его Тоня, худющая, с обветренным лицом, сказала это, глядя на восход: «Счастье — это когда не страшно». Тогда он ее обнял и подумал, что это навсегда.

Что случилось? Когда стало страшно? Когда он начал бояться старости, не востребова- ности, тишины в собственном доме? Когда она перестала быть Тоней и стала Антониной Пет- ровной, его деловым партнером и хранителем очага, но перестала быть той девчонкой, которая не боялась спать в палатке на леднике?

Он закрыл блокнот, положил его обратно в ящик. Выключил компьютер. В темноте каби- нета было тихо. Только тикали часы на стене. Он просидел так до самого утра, пока за окном не начал светлеть серый, московский рассвет. Рассвет, в котором не было никакой магии. Только реальность. Холодная, мокрая, неприглядная.

Он услышал шаги на кухне. Антонина вставала. Через минуту донесся звук включающегося чайника. Его жизнь возвращалась в привычную, накатанную колею. Возвращалась без него. Потому что он остался там, в Шанхае, на ковре в номере отеля. И он понимал, что вернуться назад, в эту колею, уже не сможет. Трещина прошла не только через его брак. Она прошла через него самого. И с каждым часом в этом тихом, правильном доме, она становилась все шире и глубже.

Глава 7. Антонина. Безмолвный свидетель

Я слышу, как он вернулся. Тихо. Не как раньше, когда он, бывало, вваливался с порога, шумно скидывал обувь и звал: «Тонь, я дома!» Сейчас — приглушенный звук ключа, шаги по прихожей, тишина. Я лежу с закрытыми глазами, изображая сон, но сердце колотится так, будто я пробежала марафон.

Он не заходит в спальню. Я слышу, как он проходит на кухню. Потом — звук открывающегося холодильника, лязг посуды. Он не спит. В три часа ночи.

Я жду еще полчаса. Потом не выдерживаю. Встаю, накидываю халат. Иду на кухню.

Он сидит за столом в темноте, освещенный только слабым светом от вытяжки. Перед ним стоит пустой стакан. Он сидит, сгорбившись, и смотрит в одну точку на столешнице. Не шевелится. Как статуя отчаяния.

— Ты не спишь, — говорю я тихо, не включая свет.

Он вздрагивает, поднимает голову. В полумраке его лицо кажется изможденным, постаревшим на десять лет за двое суток.

— Я разбудил? — его голос хриплый, безжизненный.

— Нет. Что случилось? Плохие новости по переговорам?

Он коротко, беззвучно смеется. Это не смех. Это выдох боли.

— Переговоры... Да, можно сказать, что плохие.

Я подхожу, сажусь напротив. Между нами на столе лежит его телефон. Темный экран. Я хочу схватить его, швырнуть об стену, расколоть пополам. Но я просто кладу руки на колени, чтобы он не видел, как они дрожат.

— Антон, посмотри на меня. Что с тобой?

Он смотрит. Но смотрит сквозь меня. Как будто я стеклянная.

— Устал. Просто устал, Тоня. От всего.

— От меня устал? — вырывается у меня, и я тут же кусаю губу. Не надо. Не надо сейчас.

Он закрывает глаза, проводит рукой по лицу.

— Не делай из себя жертву. Не надо этого. Я устал от себя. От этой... бесконечной гонки, в которой уже не понимаешь, за чем бежишь.

— Мы строили все вместе. Ради чего-то же?

— Ради чего? — он открывает глаза, и в них внезапно вспыхивает что-то страшное, почти ненавистное. Не ко мне. К себе? К миру? — Ради этого? Ради пустого дома, в котором мы живем как соседи? Ради фирмы, которая теперь работает сама по себе, без нас? Ради детей, которым мы уже не нужны? Это то, ради чего мы пахали тридцать лет?

Я отшатываюсь, словно он ударил меня. Его слова — как нож. Точные, острые.

— Значит, все было зря? Наша жизнь? Наша семья? Все зря?

— Я не знаю! — он резко встает, стул с грохотом падает на пол. — Я не знаю, Тоня! Может, и зря. Может, нужно было все бросить и уехать на тот самый Эльбрус. И замерзнуть там вместе, пока мы еще были счастливы!

Он кричит. Тихим, сорванным криком. Я никогда не слышала от него такого. Даже в самые трудные времена, когда денег не было, когда дети болели, он был опорой. Скалой. А сейчас... сейчас он разваливается на моих глазах.

Я встаю, подхожу к нему. Медленно. Как к раненому зверю.

— Тоня... — я кладу руку ему на плечо. Оно напряжено, как камень. — Что случилось в Шанхае? Правда.

Он вздрагивает от моего прикосновения. Потом оборачивается, и его взгляд падает на телефон. Он хватает его, зажимает в руке.

— Ничего не случилось. Дело. Работа. Все как всегда.

— Врешь, — говорю я спокойно. Внутри все обрывается и падает в какую-то ледяную бездну, но голос звучит ровно. — Ты врешь мне в лицо. У тебя в Шанхае была женщина.

Тишина. Она повисает в воздухе, густая, звенящая. Он замирает. Его лицо становится совершенно пустым, маской. Потом эта маска дает трещину. Не по эмоциям. По усталости.

— Что? — произносит он глухо.

— Ты слышал. Ты изменил мне. В Шанхае.

Он молчит. Не отпирается. Не кричит. Не падает на колени. Он просто молчит. И это молчание — страшнее любой исповеди. Это признание.

Мир вокруг меня плывет. Кухня, стол, холодильник — все расплывается в пятнах. Я держусь за столешницу, чтобы не упасть.

— Кто она? — спрашиваю я. Мой голос теперь тоже чужой.

— Не имеет значения.

— Имеет! — кричу я, и наконец срываюсь. Слезы хлещут градом, но я не вытираю их. — Имеет для меня значение! Она красивая? Молодая? Студентка? Коллега? Кто?

— Стюардесса, — выдыхает он. Одним словом. Как приговор. — С нашего рейса.

С нашего рейса. Значит, это началось еще в самолете. Пока я сидела дома и пила свой дурацкий чай, он флиртовал с какой-то... со стюардессой. Пока я смотрела на его пустой под-стаканник, он целовал другую женщину.

— И что? Весь полет проговорили? А в Шанхае встретились? Ужинали? В постель залезли? — я сыплю вопросами, как камнями, сама того не желая. Каждое слово — рана. Но я не могу остановиться.

— Хватит, Тоня, — говорит он тихо, но с такой силой, что я замолкаю. — Хватит. Да. Было все. Все, что ты думаешь. И даже больше. Я изменил тебе. Я предал. Я подонок. Довольна? Теперь ты можешь меня ненавидеть. Это будет справедливо.

Я смотрю на него. На этого незнакомца с лицом моего мужа. И чувствую не ярость. Не ненависть. Я чувствую... пустоту. Огромную, всепоглощающую пустоту. Как будто у меня внутри выжгли все чувства одним махом.

— Почему? — шепчу я. — Что я сделала не так? Я всегда... Я всегда была с тобой. Я верила в тебя. Я любила тебя.

При слове «любила» он вздрагивает, как от пощечины.

— Не надо, — его голос срывается. — Не говори этого. Это во мне что-то сломалось. Не в тебе. Во мне. Ты... ты идеальная жена. Идеальная мать. Идеальная партнерша. Ты просто... слишком идеальная. Как восковая фигура в музее. На которую можно смотреть, но нельзя прикоснуться, а то растает.

Я отступаю на шаг. Его слова бьют точнее, чем если бы он сказал, что я ему надоела.

— Так я виновата? Что я была хорошей женой? Что я держала на себе дом и бизнес? Это моя ошибка?

— Нет! — он кричит, бьет кулаком по столу. Стакан подпрыгивает и падает на пол, разбиваясь с хрустальным звоном. — Не понимаешь? Виноватых нет! Есть я — дурак, который в пятьдесят лет решил, что еще может летать. А оказалось, что могу только падать.

Он смотрит на осколки на полу, потом на меня. И вдруг в его глазах появляется что-то похожее на ужас. Осознание. Того, что он наделал. Того, что сказал.

— Тоня... прости... я не хотел...

— Убирайся, — говорю я тихо. Мне нечем дышать. — Убирайся из этой кухни. Сейчас же.

Он замирает.

— Что?

— Я сказала, убирайся. Я не могу на тебя смотреть. Уйди.

Он медленно, как старик, поднимает упавший стул, ставит его на место. Потом, не глядя на меня, идет к выходу. Останавливается в дверях.

— Ты... ты вызовешь детей?

— Убирайся!

Он уходит. Я слышу, как закрывается дверь в гостиную. Потом — тишина.

Я остаюсь одна среди осколков. Стою и смотрю на них. Они сверкают в тусклом свете. Красивые, острые, бесполезные. Как наши с ним жизни.

Я медленно опускаюсь на корточки, начинаю собирать осколки. Один. Другой. Они впи-
ваются в пальцы. Появляются капли крови. Мне не больно. Больно где-то глубоко внутри, а
это... это просто царапины.

Я собираю все осколки в ладони, подхожу к мусорному ведру, выбрасываю их. Звон. Еще
один. Потом беру тряпку, мою пол. Методично. Как робот.

Потом подхожу к столу, где лежит его телефон. Он забыл его. Я беру его в руки. Он
теплый от его ладони. Экран светится — пришло новое уведомление. От «К.». Текст виден
прямо на заблокированном экране.

«Антон, прости за сегодня в самолете. Я не могла иначе. Не могу выбросить тебя из
головы. Это конец?»

Я ставлю телефон обратно на стол. Ровно на то же место. Не включаю. Не пишу ответ.
Не бью об стену.

Я просто иду обратно в спальню. Ложусь на кровать. На свою сторону. И смотрю в пото-
лок.

Слез больше нет. Есть только лед. Лед внутри. И понимание одного: мой муж только
что признался в измене. Но не попросил прощения. Он просто констатировал факт. Как будто
сообщил, что курс доллара снова вырос.

И этот факт теперь будет между нами. Как эти осколки на полу кухни. Их можно смести.
Но мелкие, невидимые осколки будут вливаться в ноги при каждом шаге. Всегда.

Глава 8. Антонина. Игра без правил

Он не ушел из дома. Ушел в кабинет, захлопнул дверь. Я лежала и слушала тишину. Она была теперь другой — не пустой, а тяжелой, как свинцовое одеяло. Я могла почти физически ощущать его присутствие за стеной. Его боль, его растерянность, его стыд. И свою собственную, новую, свежую боль, которая еще не обрела форму, а просто разлилась внутри холодной жижей.

Утром я встала первая. Приняла душ, оделась в деловой костюм — серый, строгий, моя броня. Нанесла макияж. Руки не дрожали. В зеркале смотрела на меня женщина с безупречным лицом и мертвыми глазами. Я приготовила кофе. Один стакан. Для себя. Его подстаканник остался пустым.

Когда я уже собиралась выходить, дверь кабинета скрипнула. Он вышел. Одетый, но помятый, небритый. Он выглядел так, будто не спал всю ночь. Возможно, так и было.

— Тоня, — голос его был сиплым. — Нам нужно поговорить.

— Мне нужно в офис, — сказала я, не глядя на него, поправляя ремешок сумки. — У меня в десять встреча с испанским оператором.

— Черт с ним, с оператором! — он шагнул ко мне, перекрывая путь к двери. — Ты выкинула меня из своей жизни за одну ночь? Просто так?

Я наконец подняла на него глаза. Внутри все сжалось в тугую, болезненный узел.

— Не я выкинула. Ты сам выпрыгнул. И приземлился в постели к какой-то Кристине. А теперь удивляешься, что здесь тебя больше не ждут с распростертыми объятиями?

— Я не прошу обниманий! Я прошу... я прошу шанса. Объяснить.

— Что объяснять? Физику процесса? Анатомию? Я, знаешь ли, в курсе, — я сказала это с ледяной язвительностью, которой в себе не знала. Мне самой было противно слышать этот голос, но я не могла остановиться. Это была единственная защита.

Он отступил, словно я плюнула ему в лицо.

— Ты хочешь, чтобы я ушел? — спросил он тихо.

— Я хочу, чтобы ты исчез. Испарился. Чтобы последние сутки оказались плохим сном. Но так не бывает, Антон. Ты здесь. И она — в твоём телефоне. И вопрос не в том, чего я хочу. А в том, что ты собираешься делать.

Он молчал, глядя на меня. В его глазах мелькали тени — растерянность, злость, отчаяние.

— Я не знаю, — признался он наконец. — Я не знаю, что делать. Я не хочу терять тебя. Но я и не могу... не могу просто сказать, что ничего не было.

— А кто просит? — я с силой толкнула дверь, выходя в подъезд. Холодный воздух ударил в лицо. — Живи с этим. Как и я теперь буду жить. До свидания.

Я пошла к лифту, не оглядываясь. Слышала, как наша дверь захлопнулась. Он не побежал за мной.

Весь день в офисе я была на автопилоте. Улыбалась испанцам, обсуждала контракты, звонила гидам. Лиза, моя менеджер, посмотрела на меня как-то странно за обедом.

— Антонина Петровна, с вами все в порядке? Вы выглядите... уставшей.

— Не выпалась, — отмахнулась я. — Нервы.

Днем пришло сообщение от Сашки: «Мам, как ты?» Я ответила: «Все ок, дочка, работа». Она прислала сердечко. Я отправила ей фото внучки Алиски, дочери сына, с прошлой недели. Имитация жизни. Игра в нормальную семью.

В пять вечера я собралась уходить. Коллеги удивлялись — я обычно засиживалась. Но сегодня я не могла находиться здесь, в этом офисе, который был нашим общим детищем. Каждый уголок напоминал о нем. Наша первая карта мира на стене. Наш первый сейф. Наше общее кресло, с которого он когда-то правил своим маленьким туристическим королевством.

Я ехала домой и понимала, что не могу туда вернуться. Не сейчас. Не в ту атмосферу похоронного молчания и невысказанных обвинений. Я свернула в сторону Сашиной квартиры.

Мой сын открыл дверь с полотенцем на плече — он явно только что купал Алиску. За его спиной неся радостный визг.

— Мам? Что случилось?

— Просто зашла, — я попыталась улыбнуться, но видела по его лицу, что он все понял.

Он впустил меня. В маленькой, уютной, захлавленной игрушками квартире пахло детской присыпкой и пастой. Моя невестка, Таня, вышла из ванной с мокрой, розовой Алиской на руках.

— Антонина Петровна, здравствуйте! Неожиданно!

— Простите, что без предупреждения. Можно я... я немного посижу?

Таня, умница, сразу все поняла. Кивнула, унесла Алиску одеваться. Саша провел меня на кухню, поставил чайник.

— Он признался? — спросил Саша без предисловий, глядя мне прямо в глаза. Он был похож на отца — тот же прямой взгляд, та же челюсть. Но в его глазах не было той жестокой неуверенности, что сейчас была в глазах Антона. В них была только тревога за меня.

— Да, — прошептала я, глядя на кружку в своих руках. — Стюардесса. С их рейса.

— Сволочь, — тихо, но с такой силой выдохнул Саша, что я вздрогнула. — Мам, что ты будешь делать?

— Не знаю. Я сказала ему сегодня утром... ужасные вещи. Я сама себя не узнаю.

— Ты имеешь право на любые слова. Он не имел права на то, что сделал.

Чайник закипел. Саша заварил чай, сел напротив.

— Саня звонила. Она в ярости. Говорит, приедет и лично ему все кости переломает.

— Не надо, — я покачала головой. — Это... это между мной и им. Я не хочу втягивать вас в это.

— Мы уже втянуты, мам. Вы — наши родители. Ваш разлад — это и наш разлад. Алиска спрашивает, почему дедушка не приезжает в гости.

У меня сжалось горло. Я отпила чаю, чтобы прогнать комок.

— Что же мне делать, сынок? — спросила я, и голос мой, наконец, дрогнул. — Тридцать лет. Как выбросить на помойку тридцать лет?

— Никто не говорит выбросить. Но и жить с предателем... Мам, ты сильная. Ты всегда была сильнее папы, хоть он этого и не замечал. Принимай решение. Какое угодно. Мы с Санькой будем за тебя горой. Если захочешь развестись — поможем с юристами. Если захочешь дать ему второй шанс... — он тяжело вздохнул. — Ну, мы постараемся понять. Хотя мне его сейчас понять невозможно.

Мы сидели молча. Из комнаты доносился смех Тани и Алиски. Нормальная жизнь. Простая, честная. А у меня в жизни вдруг появились интриги, измены, драмы, как в плохом сериале.

Я допила чай, встала.

— Спасибо, сынок. Мне нужно идти.

— Оставайся ночевать. На диване. Не возвращайся туда сегодня.

— Нет, — я покачала головой. — Бегство — не выход. Я должна посмотреть ему в глаза. Должна понять... понимать ли я еще что-то вообще.

Я обняла Сашу, поцеловала его в щеку. Он пах мылом и своим детством. Затем зашла в комнату, поцеловала спящую Алиску в макушку и Таню. Вышла на улицу. Вечерело.

Дорога домой казалась короче, чем надо. Я снова стояла перед своей дверью. Ключ в руке казался раскаленным. Я вошла.

В прихожей горел свет. Из гостиной доносился звук телевизора — футбол. Он был дома. Он не сбежал в отель. Не ушел к ней.

Я сняла пальто, туфли, прошла на кухню. На столе стояли два подстаканника. И в одном — свежесваренный чай. Мой чай. «Принцесса Нури». Рядом — записка. Его размашистый почерк: «Тоня. Я не прошу чашку чая. Я прошу пять минут. Пожалуйста.»

Я взяла чашку. Чай был горячим, как будто он ждал, когда я вернусь. Я пронесла его в гостиную. Он сидел в кресле, спиной ко мне, смотрел на экран, где бегали миллионеры в шортах. Но по его позе было видно — он не смотрит. Он ждет.

Я села на диван, поставила чашку на стол. Звук заставил его обернуться.

— Спасибо, — сказала я. — За чай.

— Не за что.

Мы помолчали. На экране забили гол. Крики трибун прорвались в нашу гробовую тишину.

— Пять минут, — сказала я. — Говори.

Он выключил телевизор пультом. Тишина стала абсолютной.

— Я сегодня был у психолога, — сказал он неожиданно.

Я смотрела на него, не понимая.

— Какого психолога? Зачем?

— Потому что я сломался, Тоня. И я не знаю, как починить. Не нас. Меня. Я позвонил, нашел, сходил. Заплатил безумные деньги за час. И знаешь, что он сказал?

Я ждала.

— Он сказал, что я не уникален. Что кризис среднего возраста — это не миф. Что я не первый и не последний идиот, который пытается сбежать от старости в постель к молодой женщине. Но. Он сказал, что есть два варианта. Либо сбежать по-настоящему — бросить все, уйти к ней, начать все с чистого листа. Либо... либо остановиться. Оглянуться. И попытаться понять, от чего я бегу на самом деле.

Он говорил монотонно, как будто зачитывал доклад.

— И что ты понял? — спросила я.

— Что я не хочу бросать. Фирму — да, возможно, она меня уже не радует. Но детей... внуков... наш дом... тебя... Я не хочу это терять. Потому. что кроме этого, у меня ничего нет. А она... она просто ветер. Красивый, свежий, но ветер. Он дует и проходит. А я остаюсь на земле. Голый.

Он посмотрел на меня. Впервые за долгое время он смотрел прямо, не отводя глаз.

— Я не прошу прощения сейчас. Я не заслужил его. Я прошу... возможности его заслужить. Шанса доказать, что этот идиот в Шанхае — не я. Вернее, он я, но это я, которого больше не будет.

Я пила чай. Горячая жидкость обжигала губы, но я не чувствовала боли. Я чувствовала только огромную, всепоглощающую усталость.

— А она? Твоя Кристина?

— Я не отвечал на ее сообщение. Я... я должен буду встретиться с ней. Чтобы сказать, что все кончено. Чтобы закрыть это.

— И ты думаешь, она так просто отпустит?

— Не знаю. Но это мое дело. Моя ответственность. Я начал это. Я должен закончить.

Я поставила пустую чашку. Пять минут истекли.

— Я не могу тебе сейчас ничего обещать, Антон. Я не могу сказать «хорошо» или «прощай». Мне нужно время. Чтобы перестать видеть тебя с ней. Чтобы перестать слышать в голове твой голос, говорящий, что я — восковая фигура.

— Я никогда так не думал! — он вскочил. — Это была злость! Боль! Я выплеснул на тебя всю грязь, которая была во мне!

— Не важно. Ты сказал. Я услышала. Теперь это тоже между нами.

Я встала.

— Я посплю сегодня в гостевой. И... я не знаю, что будет завтра. Но сегодня... сегодня давай просто помолчим.

Я ушла в маленькую комнату, где когда-то жила Саня. Закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной и наконец позволила слезам выйти. Тихим, беззвучным, истощающим. Он предложил бой. Не капитуляцию. Бой за нас. И я не знала, есть ли у меня силы в этот бой вступить. И есть ли у меня желание вообще что-то завоевывать обратно. Может, крепость уже разрушена, и воевать просто не за что.

Глава 9. Разговор на взлетной

Он ждал ее три часа. В кафе возле Шереметьево, в том самом, где они договорились встретиться после ее рейса из Барселоны. Кристина опаздывала. Антон пил четвертый эспрессо и смотрел на взлетную полосу за огромным стеклянным окном. Самолеты взлетали и садились. Чьи-то жизни начинали новый виток или заканчивались катастрофой. Его жизнь сейчас зависла где-то между.

Она появилась неожиданно, без стука каблуков — в джинсах, кроссовках, с рюкзаком за спиной. Волосы растрепаны, лица почти нет — никакой косметики. Она выглядела уставшей, но чертовски красивой. Антон почувствовал, как что-то внутри него дрогнуло, но он приказал этому чему-то заткнуться.

— Извини, рейс задержали. Погода в Барселоне, — она плюхнулась на стул напротив, бросила рюкзак на пол. — Ты чего такой серьезный?

— Нам нужно поговорить, — сказал он, отодвигая чашку.

Она посмотрела на него. В ее глазах мелькнуло что-то — то ли испуг, то ли понимание.

— Ого. Серьезный разговор в придорожной забегаловке? Классика, — она попыталась улыбнуться, но улыбка вышла натянутой. — Ладно. Давай. Я вся внимание.

Антон помолчал секунду, собираясь с мыслями. Слова давались тяжело, как камни, которые нужно вытащить из глотки.

— Это конец, Кристина.

Она не дрогнула. Даже бровью не повела. Просто смотрела на него своими серо-голубыми глазами, и в них постепенно гас свет.

— Конкретнее, — сказала она ледяным тоном. — Что именно конец? Нашим встречам? Или тому, что ты мне вчера писал в сообщениях? А, кстати, на сообщения ты перестал отвечать. Удобно.

— Я не отвечал, потому что не знал, что сказать.

— А сейчас узнал? — она подалась вперед, и в ее голосе зазвенел металл. — Давай, Антон. Не тяни. Что случилось? Жена узнала?

Антон кивнул.

— И что? Выгнала? Устроила скандал? Пригрозила лишить фирмы? — Кристина говорила быстро, с нарастающей злостью. — Ты поэтому здесь? Пришел сказать, что мы больше не увидимся, потому что мамочка не разрешает?

— Не смей так о ней, — отрезал Антон, и его голос прозвучал жестче, чем он планировал.

— О, защитник! — Кристина откинулась на спинку стула, скрестив руки на груди. — Как трогательно. Значит, я теперь враг? А неделю назад ты шептал мне, что никогда не чувствовал ничего подобного. Что я — твое второе дыхание. Твоя свобода. Все это было ложью?

— Это была правда. Но есть еще другая правда.

— Какая же? — она почти кричала. Несколько голов за соседними столиками повернулись в их сторону.

— Тихо, — осадил ее Антон. — Не нужно представлений.

— А я устрою представление, если захочу! — она не сбавила тона. — Я бросила все ради тебя! Ты понимаешь? Я врал Игорю! Я придумывала командировки, ночные смены, больную мать! Я рисковала карьерой! А ты пришел и говоришь: «Конец»? Как собаке?

Антон сжал кулаки под столом. Внутри все кипело. Он хотел встать и уйти. Хлопнуть дверью. Но он знал, что должен это сделать. Должен объяснить. Хотя бы для того, чтобы смотреть себе в глаза потом.

— Я не просил тебя бросать все, — сказал он медленно, чеканя слова. — Я не давал обещаний. Мы оба взрослые люди. Мы оба знали, на что идем.

— О, как красиво! — она рассмеялась, но смех был горьким, почти истеричным. — «Взрослые люди». «Знали, на что идем». А, знаешь что, Антон? Ты — трус. Обычный, стареющий, испуганный трус. Ты испугался, что жена отберет бизнес. Испугался, что дети отвернутся. Испугался выглядеть дураком в глазах коллег. А на самом деле ты просто боишься жить. По-настоящему. Без страховки.

— Может быть, — неожиданно для себя согласился он. — Может, я трус. Но это не отменяет того факта, что у меня есть семья. И я не готов ее терять.

— А меня ты готов потерять? — она посмотрела на него в упор. В ее глазах стояли слезы, но она их не вытирала. — Меня можно выбросить, да? Я — расходный материал? Удовольствие на пару ночей?

— Не говори ерунды.

— А что мне говорить? Ты пришел сюда, в эту дешевую забегаловку, чтобы сказать мне «прощай». Ты даже не нашел сил приехать ко мне. Или боялся, что я не открою? — она встала, опершись руками о стол, нависая над ним. — Знаешь, что, Антон? Иди ты к черту. Со своей идеальной женой, идеальными детьми и идеальным бизнесом. Ты думаешь, я без тебя пропаду? Да я таких, как ты, сотни в самолетах вижу. Сидят в бизнес-классе, пьют виски и думают, что они — подарок для женщин. Ты не подарок. Ты — ошибка. Моя ошибка.

Она схватила рюкзак, развернулась и пошла к выходу. Антон вскочил, догнал ее у двери, схватил за локоть.

— Кристина, подожди.

— Отпусти, — процедила она сквозь зубы, не оборачиваясь. — Не прикасайся ко мне.

— Я не хотел... Я не хотел причинять тебе боль.

Она резко обернулась. Лицо ее было бледным, глаза мокрыми, но в них горел огонь.

— А что ты хотел? Трахнуть пару раз и забыть? Так бы и сказал сразу. Я бы, может, и согласилась. Я не святая. Но ты не сказал. Ты говорил о чувствах. О том, что я особенная. О том, что ты никогда... Никогда! — она ткнула пальцем ему в грудь. — Не делай так больше ни с кем. Не обещай того, что не можешь дать.

Она вырвала локоть, толкнула стеклянную дверь и выбежала на улицу. Антон остался стоять посреди кафе, под взглядами любопытных посетителей. Он чувствовал себя полным идиотом. И пустым. Абсолютно пустым.

Он вернулся за столик, допил остывший эспрессо. Руки дрожали. Он достал телефон. Там было три пропущенных от Антонины. И одно сообщение: «Ты где? Я вернулась домой раньше».

Он не ответил. Слишком много лжи. Слишком много всего.

Он вышел на улицу, сел в машину. Закурил — хотя бросил пять лет назад. Сигареты нашлись в бардачке, старые, засохшие. Он затаился, закашлялся. Выбросил.

И тут он увидел ее. Кристина стояла на автобусной остановке, спиной к нему. Плечи ее вздрагивали — она плакала. Он мог подъехать, опустить стекло, сказать: «Садись, давай поговорим еще». Мог обнять ее. Мог уехать с ней куда-нибудь. На край света. Начать все сначала.

Он завел мотор. И поехал в сторону дома. Домой. К жене, которая ждала его с чаем и молчаливым вопросом в глазах.

В зеркале заднего вида автобусная остановка становилась все меньше. А потом исчезла совсем. Вместе с ней исчезла и Кристина. Он даже не оглянулся. Потому что знал — если оглянется, не доедет.

Дорога до дома заняла сорок минут. Он заехал в гараж, посидел в машине еще десять. Потом поднялся в квартиру.

Антонина сидела на кухне. За столом. Перед ней — две чашки. Одна пустая. Вторая с чаем. Его подстаканник.

— Я думала, ты с ней, — сказала она спокойно, без истерики. Просто констатировала факт.

— Был. Сказал, что все кончено, — он сел напротив, не снимая куртки.

— И как она?

— Плакала. Кричала. Назвала меня трусом.

— Правильно назвала, — Антонина взяла чашку, сделала глоток. — Ты и есть трус. Трусливый изменщик, который не может даже нормально разорвать отношения.

— Тоня...

— Что Тоня? — она поставила чашку с грохотом. — Ты хочешь, чтобы я тебя пожалела? Похлопала по головке? Сказала: «Ничего, дорогой, бывает, все мужики козлы»? Не дожدهшься. Ты сам вляпался в это дерьмо. Сам и вылезай.

— Я и вылезаю, — его голос сорвался на крик. — Что еще от меня нужно? Привести ее сюда, чтобы она перед тобой извинилась? Принести справку от венеролога?

— Не хами, — ледяным тоном осадила его жена. — Ты в моем доме. И ты просил шанс. Я его дала. Но это не значит, что я буду подтирать тебе сопли после расставания с любовницей.

Антон замолчал. Она была права. Он вел себя как мальчишка, который набедакурил и теперь ждет, что мама все исправит.

— Что делать будем? — спросил он тихо.

— Жить дальше, — ответила Антонина, глядя на него. — Работать. Ходить к психологу. Искать в себе причины, почему тебе в пятьдесят лет захотелось почувствовать себя юным жеребцом. Может, на велосипеде начнешь кататься? Или в тренажерный зал запишешься?

— Я уже хожу в зал.

— Тогда в театр. В кино. На рыбалку. Не знаю. Но так, как раньше, не будет. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— Ты разрушил что-то. Не знаю, можно ли это починить. Но попробовать можно. Если ты готов.

Он посмотрел на нее. На ее уставшее, бледное лицо, на темные круги под глазами, на сжатые губы. Она не плакала. Она не кричала. Она просто констатировала. Как на переговорах. И это было страшнее любых слез.

— Я готов, — сказал он. — Попробовать.

— Тогда убери свой подстаканник. И помой посуду. А я пойду спать.

Она встала и вышла из кухни, даже не взглянув на него. Антон остался один. С двумя чашками и тишиной. Он встал, подошел к раковине, открыл кран. Вода полилась ледяная, обжигающая. Он мыл посуду и думал о том, что только что потерял женщину, которая вернула ему ощущение жизни. И приобрел... что он приобрел? Возможность жить дальше с женщиной, которая теперь будет смотреть на него с холодным спокойствием?

Он выключил воду, вытер руки. Подошел к окну. На улице стемнело. Огни Москвы горели ярко, как всегда. Его жизнь продолжалась. Но была ли это жизнь? Или просто существование после авиакатастрофы, когда все, что ты строил, превратилось в обломки, и теперь нужно учиться жить в этих обломках?

Он не знал ответа. Он знал только, что чай допит, посуда вымыта, и завтра нужно идти в офис. Как ни в чем не бывало. Как будто Шанхая никогда не было. Как будто Кристины не существовало. Как будто он не предавал. Как будто его жизнь была все еще целой.

Но трещина осталась. И она будет напоминать о себе при каждом его шаге. Всегда.

Глава 10. Второй круг

Он не собирался ей звонить. Честное слово, не собирался. Три дня после разговора в кафе он ходил как зомби. Работал, улыбался клиентам, обсуждал с Антониной меню на ужин. Играл роль примерного мужа, который одумался и вернулся в семью. Но по ночам, когда жена засыпала, он лежал с открытыми глазами и смотрел в потолок. И видел только ее. Кристину. Ее слезы на автобусной остановке. Ее сжатые кулаки. Ее голос: «Ты — ошибка. Моя ошибка.»

На четвертую ночь он не выдержал. Дождался, пока дыхание Антонины станет ровным, выскользнул из спальни, закрылся в ванной. Достал телефон. Ее номер был удален из контактов, но он помнил его наизусть. Как дурак. Как мальчишка.

Набрал. Длинные гудки. Четыре. Пять. Шесть.

— Аллю? — ее голос был сонным, хриплым.

— Это я, — сказал он тихо, чтобы не разбудить жену.

Пауза. Слишком долгая.

— Ты с ума сошел? — прошептала она в трубку. — Третий час ночи. Что тебе надо?

— Встретимся.

— Ты уже все сказал в кафе. Забыл?

— Я наговорил ерунды. Я был дураком.

— Был? — в ее голосе прозвучала горькая усмешка. — Ничего не изменилось.

— Кристина, пожалуйста. Один раз. Я приеду куда скажешь. Просто дай шанс все исправить.

Молчание. Он слышал ее дыхание. Неровное, прерывистое.

— Завтра. В шесть. ТЦ «Авиапарк», фудкорт. Через час после моего прилета из Питера. Если опоздаешь — уйду.

— Я приеду.

Она бросила трубку. Антон сидел на краю ванны, сжимая телефон в руке, и чувствовал, как сердце колотится где-то в горле. Он знал, что делает. Знал, что это подло. Знал, что предает снова. Но остановиться не мог.

На следующий день он сказал Антонине, что у него переговоры с новым партнером из Сочи. Сказал легко, с улыбкой. Она посмотрела на него, ничего не ответила. Просто кивнула и ушла в ванную. Может, поверила. Может, просто не хотела проверять.

«Авиапарк» гудел моторами эскалаторов и голосами тысяч людей. Антон приехал за пятнадцать минут до шести. Сидел на пластиковом стуле в фудкорте, пил кофе из автомата и смотрел на вход. Сердце колотилось. Он чувствовал себя подростком, который ждет первую любовь.

Она появилась без пяти шесть. Черные джинсы, белая майка, кожаная куртка. Волосы распущены, на лице ни грамма косметики. Она была прекрасна в своей простоте. И она шла прямо к нему, не оглядываясь, не сомневаясь.

— Здравствуй, Антон, — она села напротив, положила на стол маленькую сумочку.

— Привет, — он смотрел на нее и не мог насмотреться.

— Ты хотел говорить. Я слушаю.

Он глубоко вдохнул. Слова застревали в горле. Все, что он готовил по дороге, вдруг показалось фальшивым, ненужным.

— Я не могу без тебя, — выпалил он. Просто. Без прикрас.

Она не улыбнулась. Не заплакала. Просто смотрела.

— Ты же сам пришел разрываться. Сам сказал: «Конец». Что изменилось за четыре дня?

— Я понял, что жить без тебя — это не жизнь. Это существование.

— Красиво, — она скрестила руки на груди. — А как же идеальная жена? Идеальные дети? Идеальный бизнес? Ты все это готов бросить ради меня?

— Я не знаю, — честно сказал он. — Я знаю только, что не могу перестать о тебе думать. Ты в моей голове каждую секунду. Ты снишься мне по ночам. Когда я с тобой — я живу. Когда без тебя — я пустой.

Она молчала, глядя на него. В ее глазах боролись злость, боль и что-то еще. Что-то теплое, что он боялся назвать.

— Ты меня чуть не убил, — сказала она тихо. — В том кафе. Я шла домой и не чувствовала ног. Я думала, что умру прямо на улице. Ты это понимаешь?

— Понимаю. И мне стыдно. Я был идиотом. Я испугался. Но я вернулся.

— А завтра не испугаешься снова?

— Не знаю. Но я хочу попробовать.

Она долго смотрела на него. Потом встала, взяла сумку.

— Пойдем.

— Куда?

— Ко мне. Игорь в рейсе до послезавтра. У нас есть время.

Ее квартира была маленькой, в типовой панельной девятиэтажке на юго-западе. Чисто, аккуратно, безлико. Как временное убежище. Что, в общем-то, так и было — экипажное жилье, выданное авиакомпанией. На стенах — ни одной фотографии. Ни ее с Игорем, ни ее родителей. Ничего личного. Как будто она не жила здесь, а просто ночевала.

— Не смотри по сторонам, — сказала она, запирая дверь. — Это не дом. Это место для сна.

— А где твой дом? — спросил он, снимая куртку.

— Не знаю. Еще не нашла, — она подошла к нему вплотную, посмотрела снизу вверх. — Может, ты сможешь найти.

Он не ответил. Просто притянул ее к себе и поцеловал. Жадно, голодно, впиваясь в ее губы, как утопающий в спасательный круг. Она ответила тем же — ее руки обвились его шею, пальцы запутались в его волосах. Они целовались, прижавшись к холодной стене прихожей, тяжело дыша, не в силах оторваться друг от друга.

— В спальню, — прошептала она, отрываясь от его губ. — Быстрее.

Они прошли через крошечную гостиную, в которой едва помещались диван и телевизор. Спальня была такой же маленькой — кровать, шкаф, тумбочка. Но они не заметили ничего, кроме кровати.

Антон скинул пиджак, разорвал пуговицы на рубашке — они разлетелись по полу. Кристина стянула майку через голову, и он замер, глядя на нее. Белый бюстгальтер, тонкая талия, ключицы, которые он хотел целовать бесконечно.

— Не смотри так, — она покраснела. — Как будто первый раз видишь.

— Каждый раз как первый, — сказал он, снимая с нее бюстгальтер и припадая губами к ее груди. Она выгнулась, застонала, запустив пальцы в его волосы.

Они упали на кровать, сплетенные, нетерпеливые. Одежда летела на пол — джинсы, трусы, носки. Никакой нежности, никакой медлительности. Только голод. Только желание, которое они подавляли четыре дня.

Он целовал ее живот, спускаясь все ниже. Она извивалась под ним, тихо постанывая, вцепившись в простыню.

— Антон... пожалуйста... не томи...

— А я хочу тебя томить, — прорычал он, поднимая голову. — Хочу слышать, как ты молишь.

— Я не буду молить, — выдохнула она, но в ее глазах горел огонь.

— Будешь.

Он снова опустил голову, целуя внутреннюю сторону ее бедра, потом другое. Она дрожала, кусала губу, стараясь не издавать звуков. Но когда его язык коснулся самого центра, она вскрикнула — громко, отчаянно, не в силах сдерживаться.

— Вот так, — прошептал он, не отрываясь. — Кричи. Никто не услышит.

Она и кричала. Стон за стоном, хрип, всхлип. Ее тело выгибалось дугой, пальцы впились в его плечи, оставляя красные полосы. Когда оргазм накрыл ее, она замерла на секунду, потом обмякла, тяжело дыша.

Антон поднялся, встал на колени перед ней, глядя на ее покрасневшее лицо, на мокрые от слез ресницы.

— Теперь ты, — прошептала она, открывая глаза. — Я хочу тебя. Сейчас.

Она села, толкнула его на спину, оказавшись сверху. Ее волосы упали на его грудь, щекоча кожу. Она медленно, дразняще, опустилась на него, и оба замерли на секунду, чувствуя друг друга изнутри.

— Боже... — выдохнул Антон, закрывая глаза. — Какая же ты...

— Не говори, — приказала она, начиная двигаться. — Просто чувствуй.

Она была дикой, неукротимой. Ее ритм ускорялся, дыхание сбивалось, и она снова стояла, но теперь в такт своим движениям. Антон смотрел на нее снизу вверх — на ее растрепанные волосы, на ее грудь, подпрыгивающую в такт, на ее лицо, искаженное наслаждением. И не верил, что это происходит с ним. С пятидесятилетним стариком, который утром обсуждал с женой, какую купить сковородку.

Он перехватил инициативу, перевернул ее на спину, вошел резко, глубоко. Она вскрикнула, обхватив его ногами за талию, прижимая к себе.

— Сильнее, — прохрипела она. — Еще.

Он подчинился. Каждый толчок был как выстрел. Каждый стон — как признание в чем-то большем, чем просто страсть. Они двигались в унисон, быстрее, быстрее, быстрее, пока мир за окном не перестал существовать. Остались только они двое, эта маленькая комната и нарастающее, сметающее все на своем пути напряжение.

Кульминация накрыла их одновременно. Он замер, вжавшись в нее, чувствуя, как ее тело содрогается под ним, как она царапает его спину, кусает плечо, чтобы не закричать слишком громко. И сам зарычал, уткнувшись лицом в ее волосы, теряя контроль, сознание, себя.

Они лежали, сплетенные, мокрые от пота, тяжело дыша. В комнате пахло сексом и ее духами. За окном темнело.

— Ты останешься? — спросила она тихо, когда дыхание выровнялось.

— Да, — сказал он, не думая.

— А она? Твоя жена?

— Я скажу, что задержали переговоры.

— Врешь.

— Да, — он посмотрел на нее. — Вру. И буду врать. Потому что не могу без тебя. Потому что каждый раз, когда я пытаюсь уйти, возвращаюсь. Потому что ты — моя зависимость. Самая сладкая и самая страшная.

Она прижалась к нему, положив голову на грудь.

— Мы оба зависимые, — прошептала она. — Только вот лечиться не собираемся.

Он погладил ее по волосам, глядя в потолок. На тумбочке лежал ее телефон. Экран засветился — пришло сообщение. От Игоря: «Люблю. Скучаю. Когда вернешься?»

Антон отвел взгляд. Он не имел права читать чужие сообщения. Как и она не имела права врать мужу. Но они оба переступили эту черту. Давно. И назад дороги не было.

Глава 11. Антонина. Ночь без свидетелей

Я знаю, что он врет. Чувствую кожей, затылком, каждым нервом, который еще не умер во мне за последнюю неделю. «Переговоры в Сочи», — сказал он утром, не глядя в глаза. Я кивнула, потому что кричать уже нет сил. Потому что крики кончились в ту ночь на кухне, когда я собирала осколки стакана и собственной жизни.

Сейчас одиннадцать вечера. Я сижу на кухне одна. Передо мной остывший ужин — куриное филе с овощами. Я готовила на двоих. Выбросила его порцию в мусорное ведро. Смотреть на пустую тарелку напротив было невыносимо.

Звоню ему. Длинные гудки. Не берет. Перезваниваю. Сброс.

Через мину

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.